

ВЕСТНИК УНИВЕРСИТЕТА ДМИТРИЯ ПОЖАРСКОГО

2020, № 4 (20)

Мемориальная культура Московской Руси

Университет Дмитрия Пожарского

Москва 2020

Русский фонд содействия образованию и науке

*Журнал издаётся по решению Учёного совета
Университета Дмитрия Пожарского*

Редакционная коллегия:

Волков С.В. (доктор исторических наук, Университет Дмитрия Пожарского) (главный редактор), Донской Г.Г. (кандидат исторических наук, Университет Дмитрия Пожарского) (зам. главного редактора), Авдеев А.Г. (доктор исторических наук, ПСТГУ, Университет Дмитрия Пожарского, школа-интернат «Интеллектуал»), Антоненц Е.В. (доктор филологических наук, МГУ им. М. В. Ломоносова), Деопик Д.В. (доктор исторических наук, профессор ИСАА МГУ, профессор ПСТГУ, Университет Дмитрия Пожарского), Габелко О.Л. (доктор исторических наук, профессор, РГГУ, Университет Дмитрия Пожарского), Ладынин И.А. (доктор исторических наук, доцент, МГУ им. М. В. Ломоносова), Лаушкин А.В. (кандидат исторических наук, доцент, МГУ им. М. В. Ломоносова), Любжин А.И. (доктор филологических наук, Университет Дмитрия Пожарского), Поваляев М.В. (Университет Дмитрия Пожарского), Солопов А.И. (доктор филологических наук, профессор МГУ им. М.В. Ломоносова), Степанов А.С. (доктор исторических наук, Институт российской истории РАН), Чегодаев М.А. (кандидат искусствоведения, Государственный институт искусствознания, Университет Дмитрия Пожарского).

Ответственный секретарь — А.В. Пименова

Editorial Board:

Volkov S.V. (DPh in History, University of Dmitry Pozharsky), (editor), Donskoy G.G. (Ph. D. in History, University of Dmitry Pozharsky), Antonetz E.V. (DPh in Philology, Moscow State University), Avdeev A.G. (DPh in History, Associate Professor, St. Tikhon's Orthodox University, University of Dmitry Pozharsky, boarding school «Intellectual»), Deopik D.V. (DPh in History, Moscow State University, St. Tikhon's Orthodox University, University of Dmitry Pozharsky), Gabelko O.L. (DPh in History, RSUH, University of Dmitry Pozharsky), Ladynin I.A. (DPh in History, Associate Professor, Moscow State University), Laushkin A.V. (Ph. D. in History, Moscow State University), Lyubzhin A.I. (DPh in Philology, University of Dmitry Pozharsky), Povalyaev M.V. (University of Dmitry Pozharsky), Solopov A.I. (DPh in Philology, Moscow State University), Stepanov A.S. (DPh in History, Institute of Russian History of Russian Academy of Sciences, University of Dmitry Pozharsky), Chegodaev M.A. (Ph. D. in History of Art, State Institute of Art History, University of Dmitry Pozharsky).

Secretary-in-charge A.V. Pimenova

В номере собраны статьи и материалы, посвящённые истории культуры Московской Руси в Средние века и Новое время. Значительное внимание уделено традициям погребения умерших, истории церковных некрополей и памятникам эпиграфики.

In the issue you can find a number of articles and materials about the culture of Muscovite Russia in the Middle Ages and Modern Times. Considerable attention is given to burial traditions, the history of necropolis, epigraphic artefacts.

Нижнее клеймо росписи пономарской двери. Рубеж XVI–XVII в. Происхождение: Лещёвская волесть Кадниковского уезда Вологодской губернии. Место хранения: Вологодский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник

© Коллектив авторов, текст, 2020

© Яворский И. Р., дизайн макета, 2020

© Горева Е. А., дизайн макета обложки, 2020

© Русский фонд содействия образованию и науке, 2020

А.Г. Авдеев

Регулирование захоронений на некрополях Московской Руси: правила, нормы, обычаи, суеверия¹

Тема некрополя как пространства, аккумулирующего и актуализирующего различные аспекты памяти, занимает заметное место в современной зарубежной историографии. В качестве примера можно назвать вышедший в 2015 г. сборник, посвящённый проявлениям культуры смерти и умирания в различных странах Западной и Центральной Европы в Средние века и раннее Новое время².

В 80-е гг. прошлого века французский исследователь П. Нора ввёл в научный оборот термин «место памяти» (*lieu de mémoire*), под которым — на примере истории Франции XVIII–XX вв. — понимал символические элементы воплощения национальной памяти. При этом исследователь считал кладбища свидетелями иной, более архаичной, эпохи, где определяющую роль играла «истинная память — социальная и нетронутая»³. Этой точке зрения близка мысль М. Фуко, видевшего в современных кладбищах неоднородный в пространстве и времени

¹ Статья написана в рамках проекта «Corpus Inscriptionum Rossicarum / Свод русских надписей» при поддержке Фонда Развития ПСТГУ, Университета Дмитрия Пожарского и Лаборатории RSSDA. См.: URL: <http://cir.rssda.su>. Научный руководитель проекта А.Г. Авдеев, технический руководитель проекта Ю.М. Свойский. Статья продолжает и расширяет проблематику, изложенную в ранее изданных публикациях. См.: *Авдеев А.Г. Валунные надгробия в «языческой» роще // Живая старина. 2018. № 3 (99). С. 16–18; Он же. Суеверия, поминальная культура и старорусская эпитафия // Вестник ПСТГУ. 2019. Сер. II: История. История Русской Православной Церкви. Вып. II (86). С. 61–80.*

² *Cultures of Death and Dying in Medieval and Early Modern Europe / M. Kopriola, A. Lahtinen // Collegium. Studies Across Disciplines in the Humanities and Social Sciences. Vol. 18. Helsinki, 2015.*

³ Подробнее см.: Нора П. Между памятью и историей (проблематика мест памяти) // *Франция–память / Пер. с франц. Д. Хапаевой. СПб., 1999. С. 17–49.*

символический нарратив, где человек одновременно остаётся частью истории и выпадает из неё, растворяясь в вечности⁴.

Некрополь эпохи Московской Руси принадлежал иной эпохе и соединял в себе личное, публичное, мемориальное и семантико-символическое пространства. «Материальная» часть его реконструируется по результатам археологических раскопок, духовная — складывается из канонических и административных норм и дополняется мемориальной сферой — памятниками эпиграфики, неотделимыми от поминальной практики.

Вопрос о канонических и административных нормах, регулировавших порядок захоронений на некрополях эпохи Московской Руси, а также их преломлении в массовом сознании этой эпохи, не нашёл ещё удовлетворительного решения в отечественной историографии. Дореволюционные исследователи сосредоточились на поисках «языческого следа», который они прочно увязывали с суеверными представлениями о так называемых «заложных» покойниках, главным образом известных из этнографических материалов. Начало этой традиции, по-видимому, положил И.М. Снегирёв в опубликованной в 1826 г. статье о скудельницах или Божьих домах⁵. В начале XX в. данные представления были систематизированы Д.К. Зелениным, который выделил в народных поверьях две категории умерших — естественной и «неестественной» (преждевременной) смертью — «заложных» покойников, способных превратиться в демонических существ. Основываясь на источниках XIII–XVII вв. и этнографических параллелях, он полагал, что «с христианской точки зрения» в погребальной обрядности ведущую роль играет отпевание в церкви, с которым рассматриваемый обычай «нимало не считается». Отсюда исследователь сделал вывод, что это «новое христианское суеверие» могло возникнуть «только на почве двоеверия, под влиянием старых языческих верований» и что выкапывание «заложных» покойников «есть сохранение древнерусского языческого (выделено мною. — А. А) способа погребения», хотя и признавался, что не нашёл «удовлетворительного объяснения» этому феномену⁶.

Для гипотезы Д.К. Зеленина характерен ряд проблем источниковедческого характера, отражающих состояние науки начала XX в. Так, например, представления о «заложных» покойниках, описанные исследователем, не соотнесены с литургической и поминальной практикой Русской Церкви досинодального пе-

⁴ Foucault M. *Different Spaces* // Foucault M. *Aesthetics, Method and Epistemology / Essential Works of Foucault. 1954–1984* / Ed. by J. D. Faubion / Transl. by R. Hurley and oth. Vol. 2. N.-Y., 1998. P. 182.

⁵ Снегирёв И.М. О скудельницах, или убогих домах в России // Труды и записки МОИДР. Ч. III. Кн. I. М., 1826. С. 235–261.

⁶ Зеленин Д.К. *Избранные труды. Очерки русской мифологии: умершие неестественною смертью и русалки* / Вступ. статья Н. И. Толстого, подг. текста, коммент., указат. Е. Е. Левкиевской. М., 1995. С. 118, 126.

риода, источниками канонического права, а также с учительными и агиографическими произведениями. Наконец, за пределами данного труда остались археологические источники, свидетельствующие о главных чертах погребального обряда восточных славян дохристианского периода и времени перехода от язычества к христианству (впрочем, в начале XX в. слабо изученные)⁷. В целом, Д.К. Зеленину удалось выявить бытование обычая на уровне низовой народной культуры конца XIX — начала XX в., но не его корни.

Выводы исследователя оказали определяющее влияние на изучение сельской погребальной обрядности в России, в том числе и на поиск компонентов, присутствующих язычеству. Так, Н.Н. Велецкая, соглашаясь с тем, что фиксируемые этнографами народные ритуалы, связанные со смертью и погребением, находятся «в рамках существовавшей в данное время похоронной обрядности» и имеют лишь «некоторые аналогии» с языческой погребальной обрядностью, свела происхождение представлений о «заложенных» покойниках к культу предков и практике ритуального убийства стариков, применительно к Древней Руси не подтверждаемой письменными и археологическими источниками⁸. Представление о связи погребений умерших насильственной смертью с язычеством характерно и для отдельных публикаторов старорусских эпитафических памятников⁹.

В современной археологической и исторической литературе проблема «заложенных» покойников либо абсолютизируется как одно из важнейших явлений массовой (resp. языческой) культуры¹⁰, либо эта взаимосвязь признаётся

⁷ Примерно на уровне состояния науки того времени находится статья современной исследовательницы Е.Б. Грузновой о погребальной обрядности в Московской Руси, где предпочтение отдаётся источникам письменным, археологические же не упоминаются совсем. См.: *Грузнова Е.Б.* Похоронные обычаи на Руси в конце XV—XVI в. // *Вестник СПбГУ.* 2005. Сер. 2. Вып. 3. С. 153–170.

⁸ *Велецкая Н.Н.* Языческая символика славянских архаических ритуалов. М., 1978. С. 139–155; ср.: *Седакова О.А.* Поэтика обряда. Погребальная обрядность восточных и южных славян. М., 2004. С. 39–41.

⁹ *Золотов Ю.М.* Каменный крест XVII в. со ст. Жилёво // *СА.* 1960. № 3. С. 335; *Беляев Л.А.* Русское средневековое надгробие. Белокаменные плиты Москвы и Северо-Восточной Руси XIII–XVII вв. М., 1996. С. 255; *Левина Т.В.* Белокаменное надгробие XV — начала XVIII века. Собрание музея-заповедника «Коломенское» // *РСН-1.* М., 2006. С. 87; *Яганов А.В.* По поводу происхождения памятного креста по стряпчому С. М. Пустошкину // *ВЭ.* Вып. V. М., 2011. С. 362; *Панченко В.Б., Фёдоров И.А.* Каменные кресты из д. Войносолово: новые исследования // *Новгород и Новгородская земля. История и археология.* Вып. 31: Материалы XXXI научной конференции, посвящённой 85-летию археологического изучения Новгорода. Великий Новгород, 25–27 января 2017 г. / Отв. ред. Е. В. Носов. Великий Новгород, 2017. С. 80–88.

¹⁰ Наиболее последовательно эта мысль проводится А.И. Алексеевым (*Алексеев А.И.* Духовная культура... С. 135–154) и, в более гипертрофированном виде, А. А. Булычевым (*Булычев А.А.* Между святыми и демонами. Заметки о посмертной судьбе опальных царя Ивана Грозного. М., 2005. С. 13–23).

недостаточно корректной¹¹. Вместе с тем, сравнительно недавно появился ряд исследований, переосмысливающих элементы восточнославянской погребальной обрядности, которые ранее рассматривались как исключительно языческие¹². Вне связи с язычеством материал о «заложных» покойниках рассматривается в энциклопедическом словаре «Славянские древности», где фиксируется расхождение народных представлений с «церковной точкой зрения»¹³. С.А. Штырков также не соотносит представления о «заложных» покойников с язычеством и видит в них элемент традиционной деревенской культуры, порождённый суеверным страхом перед умершими неестественной смертью¹⁴. Существуют и единичные попытки соотнести народные представления о «заложных» покойниках с литургической практикой Русской Церкви¹⁵. Вместе с тем, у исследователей возник интерес к каноническим правилам, регулировавшим процесс захоронений на некрополях Московской Руси, традиционно находящимся вне поля зрения этнографов. Так, Л.А. Беляев в вышедшей в 2018 г. статье¹⁶ обратился к вопросам канонического и мировоззренческого порядка, связанным с бытованием надгробий на русских кладбищах XVI–XVII вв. Несмотря на ряд интересных наблюдений, исследователь опирался на труд специалиста по церковному праву Синодального периода В.Г. Певцова, опубликованный в начале XX в.¹⁷ Данная работа базируется на постановлениях Святейшего Правительствующего Синода, указах духовных консисторий и, главное, на изданной в 1839 г. «Книге правил», которая заменила кормчие досинодальной эпохи¹⁸. В целом, при всех

¹¹ Подробнее см.: *Ерусалимский К.Ю.* Между канонизированными и демонизированными: казни Ивана Грозного в культурно-символической интерпретации // *Одиссей: Человек в истории.* 2009: Путешествие как историко-культурный феномен / Гл. ред. А.О. Чубарьян; сост. С. И. Лучицкая. М., 2010. С. 364–373.

¹² *Мусин А.Е.* Христианизация Новгородской земли в IX–XIV вв. Погребальный обряд и христианские древности // *Труды ИИМК РАН.* Т. V. СПб., 2002; *Макаров Н. А.* Кресты-тельники из раскопок средневековых селищ: к проблеме христианизации русской деревни // *ИЗ.* 2004. Вып. 7 (125). С. 254–274; *Карпов А.В.* Религиозная жизнь Древней Руси в IX–XI веках. Язычество, христианство, двоеверие. СПб., 2019. С. 121–176.

¹³ *Левкиевская Е.Е.* Покойник «заложный» // *Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под общ. ред. Н.И. Толстого.* Т. 4: П (Переправа через реку) — С (Сито). М., 2009. С. 119.

¹⁴ *Штырков С.А.* Предания об иноземном нашествии: крестьянский нарратив и мифология ландшафта (на материалах Северо-Восточной Новгородчины). СПб., 2012. С. 151–152.

¹⁵ *Седакова О.А.* Поэтика обряда... С. 45–51, 257–264.

¹⁶ *Беляев Л.А.* Поминать и помнить: традиция обновления надгробий в Москве XVI–XVII вв. // *Живая старина.* 2018. № 3 (99). С. 2–6.

¹⁷ *Певцов В.Г.* Лекции по церковному праву. СПб., 1914.

¹⁸ О ней см.: *Шахматов М., Кострицев Н.* Обзор истории кодификации духовных правил и узаконений православной греко-российской церкви с конца XVIII столетия по настоящее время. Пг., 1917. С. 57–60.

недостатках данный подход удачнее концепции «благой кончины» (good death), принятой в современной американской антропологии, где она рассматривается вне контекста христианской культуры — как смерть, случившаяся в присутствии свидетелей и потому не подлежащая забвению¹⁹.

Методологически верным, на мой взгляд, приёмом будет обращение к источникам, которые бытовали на Руси в XV–XVII вв. и свидетельствовали об основах регулирования процесса захоронений на кладбищах Московской Руси и церковного поминовения умерших. Их можно разделить на несколько категорий. К первой относятся памятники канонического права. Древнейшие из них имеют византийское происхождение и в славянском переводе составили основу канонического права на Руси. Развитие сформулированных в них норм применительно к русской действительности отражено в решениях Освящённых Соборов и посланиях иерархов Русской Церкви. Неотделимую от них часть составляет вторая категория источников — государственно-правовые акты, нередко включавшие нормы канонического права. К ним примыкают церковно-учительные произведения, в том числе с объяснением особенностей богослужебной практики. Общей чертой этих источников является деление смерти на три вида: «благоую» или естественную, «нужную» (скоропостижную или насильственную, не зависящую от воли человека) и «напрасную», сопряжённую с грехом, и неразрывной связи обстоятельств смерти с допустимостью / недопустимостью христианского погребения и церковного поминовения. К следующей категории относятся прецедентные произведения — летописи, свидетельствующие о фактах применения канонических норм, а также жития святых с их назидательным элементом в оценке событий. Наконец, самым массовым источником, отражающим бытовую сторону традиции, являются подписные надгробия и поминальные кресты конца XV–XVII вв. Дополнительные сведения дают записки иностранцев — сторонних наблюдателей, которые выявляли необычные для них детали погребального обряда Московской Руси.

1. Некрополи Московской Руси

В Древней Руси одним из следствий принятия христианства стало появление церковных и монастырских некрополей, что соответствовало термину *ἐκκλησία*, в каком тот употребляется в Символе веры, — собор всех живых и умерших членов общины²⁰. При этом принятый в монастырях Студийский устав катего-

¹⁹ Danforth L.M. The Death Rituals of rural Greece. Prinseton, 1982. P. 125; Serematakis N. The Last Word: Women, Death and Divination Mani. Chicago, 1991. P. 101.

²⁰ См.: Івакін В.Г. Християнські поховальні пам'ятки давньоруського Києва. Київ, 2008; также: Рансимен С. Восточная схизма. Византийская теократия. М., 1998. С. 143; Арнаутова Ю.Е. Погребение // Словарь средневековой культуры / Под общ. ред А.Я. Гуревича. М., 2007. С. 367.

рически запрещал любые погребения на территории обители, «аще и что того ради подаст»²¹.

Византийская традиция делила погребения, совершённые в пространстве храма, на «зоны иерархии», систематизированные в труде бл. Симеона Солунского († 1429) «О священных обрядах и таинствах Церкви». Центром «зоны иерархии» был мартирий (κοιμητήρια) святого, а для захоронений духовенства отводился наиболее привилегированный её участок — между алтарём (символом Жертвы Христа) и мартирием (свидетельством Жертвенной Крови мученика). Ближе к алтарю (ἐγγύτερον <...> θυσιαστηρίου) хоронили архиереев, а за ним (μετ' αὐτοῦς) — священнослужителей. Могилы императоров (βασιλεῖς) находились внутри храма или вдоль его стен (περὶ τὸν ναὸν καὶ κύκλωθεν τοῦ ναοῦ), рядовых мирян (πάντας κληρικοῦς) — по обе стороны дверей (περὶ δὲ τὰς πύλας)²².

В Древней Руси распределение захоронений в храмах по «зонам иерархии» зависело от местных условий. Например, в Киеве внутри монастырских храмов находились погребения князей, бывших ктиторами обители²³. В Георгиевском соборе Юрьева монастыря в Новгороде южный неф использовался для княжеских захоронений, в северном находились могилы посадников и бояр, центральная часть западной паперти была отведена для погребений игуменов²⁴.

Традицию «зон иерархии» восприняла нарождающаяся Московская Русь. В некрополе потомков Ивана Калиты в Архангельском соборе Московского Кремля формирование «зон иерархии» началось в 1340 и завершилось в 1584 г.: вдоль его южной стены хоронили великих князей, удельных князей — у западной. Могилы князей опальных и умерших насильственной смертью находились у северной стены, а первое царское захоронение было совершено в южном преддальтении собора²⁵.

Допускавший захоронения на территории монастырей Иерусалимский устав, введённый в практику Русской Церкви свт. Киприаном († 1408)²⁶, кардиналь-

²¹ *Феодосий (Коротков), архим.* Первоначальный общежительный устав русских монастырей. М., 2017. С. 350.

²² *Sym. Thes., De fide, rit. et myst. eccl., 364 // PG. T. CLV. Col. 677B, 680A.* Современный русский перевод: *Блаженный Симеон Солунский.* Объяснение православных богослужений, обрядов и таинств. Оранта, 2010. С. 470; ср.: Kötting B. Der frühchristlichen Kult und die Bestattung im Kirchgebäude. Köln; Opladen, 1965. S. 28–29.

²³ См.: *Івакін В.Г.* Християнські поховальні пам'ятки... С. 19–21.

²⁴ Акад. В.Л. Янин связывает их с «социальной топографией» храмового некрополя. См.: *Янин В.Л.* Некрополь Новгородского Софийского собора. Церковная традиция и историческая критика. М., 1988. С. 101.

²⁵ *Сизов С.* Ещё раз о трёх «неизвестных» гробницах Архангельского собора // ГММК. Материалы и исследования. Вып. 1. М., 1973. С. 91–92.

²⁶ *Серёгина Н.С.* Песнопения русским святым: По материалам рукописной певческой книги XI–XIX вв. «Стихирарь месячный». СПб., 1994. С. 15; *Пентковский А.М.* Студийско-Алексеевский устав и богослужебные традиции Древней

но изменил облик монастырских некрополей. В ещё большей степени этому способствовал окончательно сложившийся к концу XV в. новый порядок индивидуального поминовения, который допускал погребение и поминовение в обители мирян за сделанный ими вклад. Теперь внутри монастырских стен находили упокоение и подвизавшиеся в обители иноки и вкладчики (что вело к развитию родовых и семейных участков захоронений).

Тем не менее вопрос о канонической допустимости погребений мирян на монастырских некрополях оставался спорным вплоть до середины XVI в. В 1551 г. Стоглавый собор подтвердил всеобщий порядок захоронений в обителях, дав положительный ответ на царский вопрос, «подобает ли черници класти в чернецком монастырьѣ и мирян и мужей, и жен, тако ж и черницы в черницких монастырех». Одновременно были оговорены условия захоронения в обители и порядок поминовения. И, если длительность последнего зависела от размера вклада, то цена за место для могилы по решению собора была «договорной»: «от преставльшихся и от погребения или от мѣста, гдѣ его погresti, ничтож истязуютъ, ниже ценою мѣста продавати въ церкви или близ церкви, но иже вдадут боголюбцы на память своим душам, таковая от сих съ благодарением приимати»²⁷.

В Московской Руси, помимо монастырей, если судить по указу царя Фёдора Алексеевича от 7 апреля 1682 г., кладбища располагались в городах — при храмах на территории городских посадов и слобод, в сельской местности — при сельских храмах — и в деревнях²⁸. Существование деревенских некрополей в более раннее время подтверждается данными археологических раскопок и письменными источниками²⁹.

Территория кладбищ традиционно считалась не подлежащей сносу, застройке (за исключением храмов), отведению под пашни, сенные покосы и т.п. Поэтому волевое решение Ивана III о ликвидации старых кладбищ в Кремле в 1490 г. и переносе покоившихся на них останков на кладбище при подворье епископов Ростовских в подмосковном селе Дорогомилове вызвало резкую отповедь архиепископа Новгородского Геннадия, который написал митрополиту Зосиме: «ино кости выносили, а телеса ведь тутю остались, в персть розошлись <...> Писана, что будет въскресение мертвых, не велено их с места двигати <...> А что вы-

Руси (По рукописям, происходящим из церковных собраний) // Рукописные собрания церковного происхождения в библиотеках и музеях России. Сборник докладов конференции. М., 1999. С. 112–120.

²⁷ Стоглав: Текст. Словоуказатель / Отв. ред. Дж. Манискалько Базиле, А. В. Юрасов. М.; СПб., 2018. С. 128, 139.

²⁸ ПСЗ. Собрание 1-е. Т. II: 1676–1687. СПб., 1830. С. 383. № 911.

²⁹ Чернов С.З. Кладбище деревни Власьевской XIV–XV вв. и воцерковление сельского населения Московского края // РА. 2016. № 1. С. 81; Гваньини А. Описание Московии / Пер. с латинского, вводн. статья и комм. Г. Г. Козловой. М., 1997. С. 67–68. Подробнее см.: Авдеев А.Г. Валунные надгробия в «языческой» роще... С. 16–18.

несши церкви, да и гробы мертвых, да на том месте сад посадити, а то какова нечесть учинена? От Бога грех, а от людей сором»³⁰.

Первая попытка законодательного упорядочивания процесса захоронений, но только на территории Москвы, связана с указом Алексея Михайловича от 22 января 1657 г. о «ревизии» московских кладбищ, переполненных после эпидемий 1652–1654 и 1654–1655 гг. Был введён запрет на захоронения на приходских кладбищах Кремля³¹, однако на некрополи государственного значения в Успенском и Архангельском соборах и на Вознесенский монастырь он не распространялся, а в Чудовом монастыре, судя по надгробиям более позднего времени, не соблюдался вообще³². На приходских некрополях захоронения внутри участков с погребениями жертв эпидемии были запрещены, кладбища закрыты высокими деревянными заборами «наглухо», а могилы «поплачены камнемъ и залиты известью». Взамен к церквям прирезались новые земельные участки, что, впрочем, усугубило проблему захоронений в столице.

Существующую практику захоронений обобщил уже упоминавшийся указ царя Фёдора Алексеевича, первый законодательный акт допетровской Руси, в котором излагались правила содержания городских и сельских некрополей. Он вывел кладбища, находившиеся в поместьях и вотчинах, из состава пашенных земель и сенокосных угодий. Указ содержал также требования к благоустройству некрополей: писцам вменялось в обязанность «тѣ кладбища измѣрить, и велѣть тѣмъ помѣщикомъ и вотчинникомъ тѣ кладбища огородить и строенья на нихъ никакова строить не велѣль <...> а въ посадскихъ и иныхъ чиновъ людей въ слободахъ такія жъ кладбища описывать по тому жъ с мѣрою, а земли къ нимъ ничего не писать и велѣть огородить какъ в помѣщиковыхъ и вотчинниковыхъ земляхъ». По настоянию патриарха Иоакима указ был дополнен нормой о передаче порожних земель при кладбищах под постройку церкви, а также под дворы «попу и церковникомъ»³³.

Впрочем, необходимость издания данного указа диктовалась насущной потребностью навести порядок на кладбищах. Вот что, например, сообщал архиепископ Вологодский и Великопермский Симон в челобитной царю Алексею Михайловичу: «На Вологде, государь, на посаде церковные пусты места <...> И те, государь, церковные места вологжане посадские люди своим самоволством ого-

³⁰ Казакова Н.А., Лурье Я.С. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV — начала XVI в. М.; Л., 1955. С. 237; см. также: Петров Д.А. Архитектурный комментарий к одному месту из послания архиепископа Геннадия митрополиту Зосиме // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2015. № 2 (60). С. 84–93.

³¹ Забелин И.Е. Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы. Ч. 2. М., 1891. Стб. 4–5.

³² См.: Панова Т.Д. Некрополи Московского Кремля. М., 1999 (passim); Гращенков А. В. Памятные плиты Вознесенского собора в Москве // ВЭ. Вып. I. М., 2006. С. 186–201.

³³ ПСЗ. Собрание 1-е. Т. II: 1676–1687. СПб., 1830. С. 382–383. № 911.

родили себе в огороды, а на иные дворами наставились. И дворовой всякой сор для огородной пашни на те церковные места и на кладбища умерших возят и церковные места сквернят <...> Вели, государь, тех церковных пустых мест и кладбищ и иных церковных мест, кои истари запустели, досмотреть и противу писцовых книг помёреть, церковные места очистить, и от дворов и от огородов посадских людей отгородить»³⁴.

Размывание сложившихся традиций произошло в Синодальный период, когда регулирование порядка захоронений перешло в административную сферу и устанавливалось императорскими указами и постановлениями Сената. Начал этому процессу положил указ Петра I от 10 октября 1723 г., обязавший «въ Москвѣ и во всѣхъ городахъ мертвыхъ чловѣческихъ тѣлесъ, кромѣ знатныхъ персонъ, внутрь градвъ не погребать, а погребать ихъ в монастырѣхъ, и приходскихъ церквахъ внѣ градвъ»³⁵, что превратило некрополи при городских храмах в «зоны» сословной исключительности. Завершило процесс постановление Сената от 24 декабря 1771 г., согласно которому под захоронения умерших были выделены особые кладбища «за городомъ на выгонныхъ земляхъ, гдѣ способнѣе»³⁶.

2. Организация скудельниц

Одним из старейших видов общих захоронений на Руси были скудельницы, существовавшие во многих городах Древней Руси. Они делились на два типа, впрочем, слабо различавшиеся в источниках: «разовые» места массовых захоронений умерших во время эпидемий, голода, военных действий и других экстраординарных событий, совершавшиеся «во едину яму», и постоянно существовавшие убогие дома, где погребали неопознанные трупы, тела погибших насильственной смертью, казнѣнных и т.п.³⁷

История скудельниц на Руси — тема отдельного, более обширного, исследования. Д.К. Зеленин, основываясь главным образом на этнографических материалах, собранных в XIX в., связал обычай поминовения погребѣнных в

³⁴ *Башилин Н.В.* Дионисиево-Глушицкий монастырь и его архив в XV–XVII вв. Исследование и тексты. М.; СПб., 2016. С. 707–708. № 137.

³⁵ ПСЗ. Собрание 1-е. Т. VII: 1723–1727. СПб., 1830. С. 130. № 4322.

³⁶ Там же. Т. XIX: 1770–1774. СПб., 1830. С. 409. № 13724.

³⁷ О скудельницах см.: Козюренко А.В. Скудельницы в Пскове в XV–XVI вв. // Церковная археология. Материалы Первой Всероссийской конференции. Псков, 20–24 ноября 1995 года. Ч. 2: Христианство и древнерусская культура / Отв. ред. С. В. Белецкий. СПб.; Псков, 1995. С. 117–120; Сорокин А. Н. Скудельницы древнего Новгорода (к вопросу об особенностях древнерусского погребального обряда в чрезвычайных ситуациях) // Исторические исследования. Журнал Исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. 2015. № 3. URL: http://www.historystudies.msu.ru/ojs2/index.php/ISIS/article/view/49/132#_ftn106. Дата захода: 02.03.2019. Заглавие с экрана.

скудельницах с пережитками языческого обряда проводов «заложных» покойников³⁸. С его мнением солидарен А.И. Алексеев, распространивший бытование этого суеверия на устройство скудельниц в XV–XVI вв.³⁹ Но соответствуют ли эти выводы источникам — и в первую очередь отражающим богослужебную практику Русской Церкви?

До второй половины XV в., насколько позволяют судить источники, устройство скудельниц диктовалось экстремальными ситуациями — эпидемиями, стихийными бедствиями, повлекшими за собой массовую смертность, и допускалось с благословения епархиальных архиереев, действиями которых вряд ли руководил суеверный страх перед «заложными» покойниками. Скорее, принципы христианского благочестия соединялись с элементарными санитарно-гигиеническими нормами. Так, одно из первых упоминаний скудельниц относится к 1230/31 г., когда новгородский архиепископ Спиридон во время массового голода в городе «постави скудельницу у святыхъ Апостоль, в ямѣ, на Просьской улицы»⁴⁰.

Ко второй половине XV в. относятся первые сведения о скудельницах, которые не устраивались в экстремальных ситуациях, а существовали постоянно. Об одной редкой их разновидности, существовавшей «много лѣтъ» на расстоянии «мнѣ единого поприща» от Горицкого Успенского монастыря, сообщает Житие Даниила Переславского. Основанное на вотчинных землях Григория Иванова сына Изъединова, «Божедомское мѣсто» было единственным на весь Переславль и ближайшие окрестности местом общего захоронения «много различныхъ нужными смертьми скончавшихся», но служило источником дохода для вотчинника. Он «пристави къ скудельницамъ единого от служащихъ ему, да егда коего умерша принесутъ положить въ скудельницы, и той взимаше мзду от них, кому что возможно дати, а без мзды не дадѣше же положить ту». Но, как отмечает Житие, «никогда же бываетъ на томъ мѣсте о тѣхъ бесчисленныхъ душахъ поминовения, ни службы, ни приношения, ни кадила, ни свѣщи»⁴¹.

В первое десятилетие XVI в. — синхронно со складыванием практики регулярного поминовения умерших — появились первые монастырские скудельницы, ставшие не только местом захоронения неопознанных трупов, но и регулярного церковного поминовения погребённых. Трудно сказать, принадлежит ли здесь первенство прп. Иосифу Волоцкому († 1515), или же его младшему современнику прп. Даниилу Переславскому († 1540), начинавшим иноческий

³⁸ Зеленин Д.К. Избранные труды... С. 127–140.

³⁹ Алексеев А.И. Духовная культура средневековой Руси. М., 2016. С. 136–147.

⁴⁰ Новгородская I летопись старшего извода // ПСРЛ. Т. III. М., 2000. С. 69–70.

⁴¹ Смирнов С.И. Житие преподобного Даниила, Переславского чудотворца, Повесть об обретении мощей и Чудеса его. М., 1908. С. 13, 15, 22.

путь в Пафнутьево-Боровском монастыре⁴². Первый из названных подвижников после опустошительного морового поветрия, унесшего жизни 300 иноков в одной только основанной им обители⁴³, пришёл к мысли о необходимости устройства в вотчине своих родителей — селе Спинове — при возникшей во время эпидемии скудельнице «богородного» монастыря, где забота об умерших была бы соединена с их регулярным церковным поминовением (см. Приложение 1). Прп. Даниил Переславский около 1507/08 г. получил от Василия III жалованную грамоту, по которой вотчинное Божедомское место перешло в исключительное владение старца и благословенную грамоту митрополита Симона († 1511) на строительство Всехсвятского храма при скудельнице⁴⁴.

Обе скудельницы находились в удалении от «великой» обители: Спировская — «в дѣлѣ двѣ поприща ѿ великоѣ мѣнѣ» (ок. 2800 м), Божедомская (будущий Троицкий Данилов монастырь) — в одном поприще (ок. 1,5 км)⁴⁵ от Горицкого. Общая могила в Спировском монастыре была выкопана в «молитвенном храме». В Троицком Данилове монастыре скудельницы находились близ Всехсвятского храма. Над «действующей» общей могилой ставилась деревянная клеть. По мере заполнения скудельницы закапывали и над ними водружали «кресты велики»⁴⁶.

Правила захоронения и церковного поминовения в Спировской скудельнице детализированы в уставных правилах, сохранившихся в Келейном обиходнике Иосифо-Волоколамского монастыря, который был составлен, по мнению частично опубликовавшего его Е.Е. Голубинского, игуменом этой обители Евфимием Турковым не ранее 1579 г.⁴⁷ (см. Приложение 1). Практическую сторону вопроса дополняет Житие Даниила Переславского, составленное около 1556–1561 гг.⁴⁸

⁴² На это обратил внимание А.И. Алексеев. См.: *Алексеев А.И.* Духовная культура... С. 146–147.

⁴³ Вероятнее всего, данное поветрие можно отождествить с эпидемией 1511 г., охватившей многие русские земли. См.: *Борисенков Е.П., Пасецкий В.М.* Тысячелетняя летопись необычайных явлений природы. М., 1988. С. 307. Возможно, число 300 является символическим, призванным подчеркнуть многолюдство монастыря. Так, число монахов, убитых «литовскими людьми» в 1610 г. в небольшом Троицком Рябове монастыре предание также оценивает в 300 человек. См.: Угличский летописец / Отв. ред. А.А. Севастьянова. Подг. текста Я.Е. Смирнова. Ярославль, 1996. С. 150.

⁴⁴ *Смирнов С.И.* Житие преподобного Даниила... С. 23–24.

⁴⁵ Вероятнее всего, оба памятника под поприщем подразумевали 700-саженную версту, равную 1480 м, что подтверждается реальным расстоянием от Спинова до Иосифо-Волоколамского монастыря и от Троицкого Данилова монастыря до Горицкой обители.

⁴⁶ *Смирнов С.И.* Житие преподобного Даниила... С. 30–32.

⁴⁷ *Голубинский Е.Е.* История Русской Церкви. Период второй. Московский. Т. II: От нашествия Монголов до митрополита Макария включительно. 2-я половина тома. М., 1910. С. 582.

⁴⁸ *Белоброва О.А.* Житие Даниила Переяславского // СККДР. Вып. 2: Вторая половина XIV — XVI век. Л., 1988. С. 257–258.

Уставные правила, разработанные для Спировского монастыря, предполагали, что всякий обнаруживший непогребённое тело обязан был сообщить о находке игумену и соборным старцам Иосифо-Волоколамской обители, которые благословляли спировского настоятеля «*нѣ нѣ ѿпкѣ . ѿбыныи , мѣтвы погребѣныи . положѣн в чой мѣтвыи хрѣ*» и, если имя умершего было известно, внести его в синодик, а «*вѣнчаныи положѣн по томѹ бѣа рѣн*». В Троицком Даниловском монастыре наполнение скудельниц был предметом постоянной заботы игумена и братии.

По похороненным в скудельнице Спировского монастыря служили ежедневную панихиду и обедню, а также в дни особого поминовения умерших — во вселенскую и мясопустную субботы и в седьмой четверг по Пасхе; в важнейшие же праздники годового круга после литургии устраивалось большое кормовое поминовение. В Троицкой Даниловой обители погребённых в скудельницах ежедневно поминали на литургии и «над ними ж часто соборнѣ понагиды отпѣваше»⁴⁹. Вряд ли сложившийся в этих обителях порядок регулярного поминовения умерших, соответствующий годичному кругу богослужений, можно увязать с христианизацией дней «языческого» поминания покойников⁵⁰.

Согласно Келейному обиходнику, в Спировском монастыре хоронили «*всѣхъ православыи крѣтъя . ѣ нѣныи всиими смѣртѣми скончавшиися*». Более того, прп. же Даниил Переславский полагал, что «лѣпо есть <...> память створити о многих, безчисленных душахъ въ скудельницах сихъ положеныхъ человекѣхъ», поскольку среди них наверняка «некоторые обрящутся угодивше Богу и со всѣми святыми, и ти да причтени будутъ»⁵¹. Одной из добродетелей инока Иосифо-Волоколамского монастыря Феодосия Плещеева близко знавший его Евфимий Турков называл то, что он всегда стремился «мертвыхъ погребати, своими руками скутовая тѣлеса их, измывая и въ дом Божіи погребаше»⁵².

Правила захоронения, отпевания и поминовения в скудельницах впервые вошли в печатный Требник 1647 г. Включённая в него глава «*Подоклѣтъ оубо повѣдати ѣ ѿ сілѣхъ всѣмъ православыи хрѣтіанѣ , пициса накрѣпко*» по сути стала первым документом, в котором впервые была обобщена и подведена под канонические правила длительная практика устройства общих захоронений в городах и монастырях. В данной главе отмечалось, что в скудельницах подобает «*погребѣти стѣнныихъ , ѣлѣ оубоги , различными смѣртѣми скончавшиихъ , ѣлѣ сожженыихъ ѣлѣ на рѣти извѣныихъ*». Ответственность за устройство коллективных захоронений возлагалась на воевод градских и ратных, горожан «*всакаго чина ѣ бозрѣта*» и местных священнослужителей, которые должны были собрать и захоронить не-

⁴⁹ Смирнов С.И. Житие преподобного Даниила... С. 31.

⁵⁰ Ср.: Алексеев А.И. Духовная культура... С. 143.

⁵¹ Смирнов С.И. Житие преподобного Даниила... С. 29–30.

⁵² Кунцевич Г.З. Феодосий, архиепископ Новгородский (1491–1563) (Его «Житие»). СПб., 1898. С. 13.

погребённые трупы, устроив «*ровъ великѣ , ѣлико възможнѣ ѡмѣстити*». Во избежание мародёрства священники обязаны были следить за тем, чтобы тела были захоронены «*не нага <...> но кѣждо бѣ какнѣхъ ѡдеждахъ ѡукичь*». В случаях же, если «*кто ѡбращается кѣ чѣлмѣ чѣлеслмѣ свѣой*», то ему надлежало обрядить погибшего «*въ срачницѣ ѣ въ саванѣ , ѣкоже ѣсть ѡбычѣй православынымъ хрѣтѣлнѣмъ*».

Отпевание же и погребение мёртвых тел, сложенных в скудельнице, предписывалось проводить «*по ѡбычѣи*», то есть по тем богослужебным правилам, которые «*писаны въ мнрскѣмъ погребѣннѣи*»⁵³.

Таким образом, источники не отражают взаимосвязи между устройством скудельниц и страхом перед «заложными» покойниками. Напротив, Русская Церковь предписывала совершать захоронения безымянных тел по чину погребения мирян и творить над скудельницами поминальные богослужения.

Более того, забота о телах безымянных умерших на Руси рассматривалась как одна из христианских добродетелей. Уже в составленном около 1147 г. «Вопрошании» Кирик Новгородец отмечал: «уже кости мертвых валаются кдѣ, то велика челоувѣкоу тому мзда, оже погребоуть ихъ»⁵⁴. Позднее эта добродетель была увязана с заботой о погребённых в скудельницах. «Благим» называет Новгородская I летопись желание архиепископа Спиридона устроить скудельницу, а свозившего к ней трупы Станила — «благим» и «смирненным» мужем. В качестве примера благочестивого поведения Софийский временник приводит рассказ о некоем новгородце, который в седьмой четверг по Пасхе (семик) регулярно приходил к скудельнице, ставил кутью и свечи, молился о погребённых здесь людях и помогал зарывать могилы⁵⁵. Это свидетельствует об уже укоренившейся традиции особого поминовения умерших в семик. С XVI в. представления о том, что забота о погребении и поминовении неопознанных тел является одной из христианских добродетелей, укрепляли памятники византийской агиографии, переведённые на Руси. Например, прп. Маркиан, пресвитер и иконом храма св. Софии в Константинополе «*хождѣше же ношѣи по ѡланцмѣ , ѣ ѣдѣже ѣще ѡбрѣтѣвшѣ мѣртвѣ лежѣща , ѡмывѣше ѣго ѣ ѡмелѣше*»⁵⁶. Прямая параллель этому есть в Житии Даниила Переславского: подвижник, «нощию исходя» из Горицкого монастыря, «никомуже вѣдушу, и <...> обреташе мертвыя <...> и со мноземъ плачемъ облобызаше ихъ, и на рамѣ своемъ полагаше, и отношаше въ

⁵³ Требник. М.: Печатный двор, 07.01.1647. Зёрнова. 197. Л. 202 об. — 203.

⁵⁴ Памятники древне-русского канонического права... Стб. 37.

⁵⁵ Софийский временник, или Русская летопись с 862 по 1534 год / Изд. П. Строев. Ч. 2: С 1425 по 1534 год. М., 1821. С. 141.

⁵⁶ ВМЧ. Т. I. Январь. Тетрадь II. Дни 6–11. М., 1914. Стб. 448; [Свт. Димитрий Ростовский]. Книга житий святых на три месяца второя, еже есть декемврий, ианнуарий и февруарий. Киево-Печерская лавра, 1764. Л. 297.

скудельницу, иже зовется Божий домъ. И надгробная пѣния отпѣваше над ними и в скудельную гробницу полагаше и божественную литургию служаше, и велми о томъ печашеся, дабы християньские телеса не снѣдаема была от зверей»⁵⁷.

Эти нормы связаны с восприятием благодати «безымянной» смерти, что, например, подчёркивалось в «Слове да не желаем погребатися в святых церквах», приписанном Иоанну экзарху Болгарскому, и анонимном «Слове о кладущихся в святых церквах»⁵⁸, которые активно включались в предназначенные для келейного и домашнего чтения синодичные предисловия, рукописные и печатные минеи и прологи. Во втором «Слове» даже приводился пример отцов-пустынников: хотя «*ѡвѣи ѡ икофен оумрѡша . ѡвѣи же звѣрѣмн инѣденн кыша . ѣнии ж всѣхмнн различнѣмн мѡкми . ѣ нѡжамн*», однако тела их не «*въ цркви лежатъ <...> нѡ б пѣчѣ мѣстѣ <...> нѡ дѣши ѣ съ агглы . рѣдѣтсѣ*»⁵⁹.

Традициям благочестия отвечали семейные захоронения, устраивавшиеся в скудельницах. Так, переписные книги часовен Важского погоста 1692 г., сообщают о часовне во имя св. вмч. Георгия, построенной «на дресвище»: «строе-ние <...> Верховажского стану и посаду жителя Ульяна Анѡимова. А построиль де онъ тое часовню во 189-м году по общанию ево для того: Въ прошлые де давные годы во время морового повѣтря на томъ дресвище въ горѣ кладены и погребены многие мертвые, и послѣ де того на томъ же дресвище погребаютъ и кладутца ево Ульяновы усопшие <...> I въ той де часовни въ <...> праздникъ великомученика Георгия онъ Ульянь отъ молебной службы платить один собой»⁶⁰.

Практика устройства скудельниц в Москве имела свою специфику, связанную со столичным статусом города. В годы Смуты своеобразной акцией *damnatio memoiae* стало погребение в Варсонофьевском монастыре «что на Убогих домах» Бориса Годунова, его жены и сына, а через год после них — и отдавшего этот приказ Лжедмитрия I. Позднее Сэмюэл Коллинз, личный врач Алексея Михайловича, отметил, что в столице трупы убитых и замёрзших свозили к Земскому приказу и, если родственники не объявлялись в течении трёх или четырёх дней, неопознанные тела отправляли в убогие дома⁶¹.

⁵⁷ Смирнов С.И. Житие преподобного Даниила... С. 13.

⁵⁸ Источник Слова... отождествлён С.А. Давыдовой. См.: Давыдова С.А. Патериковые чтения в составе древнерусского Пролога // ТОДРЛ. 1990. Т. XLII. С. 271. № 52.

⁵⁹ РГБ ОР. Ф. 304.1 (Основное собрание Троице-Сергиевой лавры). № 723. Л. 46 об.

⁶⁰ Переписные книги часовен в Важском уезде и в Устьянских сохах марта 20 — июня 29 1692 г. // РИБ. Т. 25: Акты Холмогорской и Устюжской епархий. Т. 2. Спб., 1908. Стб. 451; о данном источнике см.: Платонов Е.В. Перепись севернорусских часовен 1692 г. как этнографический источник // Новгородский исторический сборник. Великий Новгород, 2013. Вып. 13 (23). С. 297–319.

⁶¹ Коллинз С. Нынешнее состояние России, изложенное в письме к другу, живущему в Лондоне / Пер. с англ. П. Киреевского. М., 1846. С. 8.

В царствование Алексея Михайловича сложилась особая практика обращения с останками опасных государственных преступников, четвергованных на Красной площади. Фрагменты их тел сначала выставлялись на всеобщее обозрение, а затем, подобно умершим «напрасной» смертью, закапывались за городом во рву или яме, над которой «для признака» иногда ставился деревянный кол⁶². Подразумевалась ли в данном случае скудельница, — из источников не ясно (хотя они часто именуются рвами и ямами, так же, как и могилы, выкопанные для самоубийц). Тем не менее, на исходе XVII в. патриарх Адриан, очевидно, отталкиваясь от данной практики, ужесточил правила захоронения тел казнённых преступников в скудельницах и возможности их церковного поминания. В «Наказе старостам поповским и благочинным строителям», известном мне по четырём опубликованным спискам, которые были направлены архимандритам Владимирского Рождественского монастыря Иосифу (1697), Троицкого Ипатьевского монастыря Паисию (1698), Троице-Сергиева монастыря Евфимию (1700) и протопопу Богородицкого собора г. Ярополча Льву (1699), глава Русской Церкви разрешил отпевать и хоронить в скудельницах казнённых «воров и разбойников», исповедовавшихся перед смертью. Если же пойманный «на разбоѣ» преступник умер от побоев, не успев исповедаться, патриарх велел хоронить его «безъ отпѣванія въ городѣ въ убогомъ дому, гдѣ такіе жъ воры и разбойники кладутся»⁶³.

3. Погребения внутри храма

С последней четверти XV в. на монастырских некрополях Московской Руси формировался отличный от существовавшего ранее порядок иерархии захоронений. Сакральным центром стала «зона святости» (термин Л. А. Беляева) — могила или рака с мощами святого. Её окружали «зоны памяти» — родовые и семейные участки захоронений, принадлежавшие различным сословным группам. Близ «зоны святости», где стремились быть погребёнными наиболее знатные и / или благочестивые семьи, располагалась «зона знати»⁶⁴. Первоначально она

⁶² Подробнее см.: *Лаврентьев А.В., Майер И.* Четвергование как публичная церемония и пенальная практика в правление царя Алексея Михайловича: письменные и изобразительные источники // *Очерки феодальной России. Вып. 20 /* Ред. С. Н. Кистерёв. М.; СПб., 2017. С. 216–271.

⁶³ ПСЗ. Собр. 1-е. Т. III: 1689–1699. СПб., 1830. С. 417. № 1612; [*Лавел (Подлипский), еп.*] Описание Костромского Ипатьевского монастыря, в коем юный Михаил Феодорович Романов умолен знаменитым посольством Московским на Царство Русское. М., 1832. С. 102; Инструкция Старостам Поповским, или Благочинным смотрителям от Святейшего Патриарха Адриана, данная лета 7207 (1699) Июля в 25 день // ДРВ. Ч. XV. М., 1790. С. 382; Уставная грамота патриарха Адриана, данная архимандриту Троицкого Сергиева монастыря Евфимию / Сообщ. А. Н. Попов // *Временник ОИДР.* 1851. Кн. 11. Смесь. С. 34. Их анализ см.: *Скворцов Г.А.* Патриарх Адриан. Его жизнь и труды в связи с состоянием Русской Церкви в последнее десятилетие XVII века. Казань, 1913. С. 170–175.

⁶⁴ *Беляев Л.А.* Родовая усыпальница князей Пожарских и Хованских в Спасо-Евфимиевом монастыре Суздаля: 150 лет изучения. М., 2013. С. 73; подробнее см.:

располагалась у юго-западного угла внутри храма и, по мере увеличения числа могил, доходила до его северной стены и алтарной части, постепенно соединяясь с «зоной святости»⁶⁵. С 1492 г. существенным новшеством, укреплявшим деление погребений на зоны памяти, стали надгробные плиты с эпитафиями⁶⁶.

В исследованиях по истории некрополей Московской Руси обычно не учитывается тот факт, что появление влиятельных вкладчиков, желавших быть захороненными в «зоне святости» внутри храма, в итоге потребовало поиска запретов на подобные погребения. Закономерно, что их авторитетные обоснования были найдены в Иосифо-Волоколамском монастыре, там же, где была создана новая поминальная практика. Преемник прп. Иосифа Волоцкого Даниил, бывший игуменом этой обители в 1515–1522 гг., создал новый извод Кормчей книги, впервые включив в него канонические ответы Иоанна епископа Китрского на вопросы епископа Диррахийского Константина Кавасилы⁶⁷, где в шестом ответе был сформулирован запрет на погребения внутри храма. Тем не менее Стоглавый собор допускал погребения вкладчиков внутри монастырского храма⁶⁸, так что проблема погребений внутри храмов осталась актуальной и в XVII в.: ответы Иоанна Китрского вошли в Кормчую патриарха Иосифа непосредственно по Даниловскому изводу⁶⁹. На этой основе был введён запрет на эту практику, за исключением храмов, где отсутствовали раки с мощами святых и новопостроенных, но ещё не освящённых церквей: «неподоблетъ въ цркви , и дѣже мѣникъ сокровищъствовавшея мѡщи , оумѣршихъ члвкѡ погребѣти . сегѡ ради и законъ глечъ , да никтоже въ цркви мертвецѡ погребѣти рече . въ мѣгвбныхъ же храмахъ ѡщениа непрѣмшихъ , мѣчъ сѡгъ погребѣти»⁷⁰. Этот же запрет поддерживали печатные Третьяки, изданные при па-

Шалина И.М. Локализация погребений русских чудотворцев в монастырских храмах и её символическое значение // Преподобный Иосиф Волоцкий и его обитель. Материалы научно-практической конференции, посвященной 5-летию обретения Святых мощей Преподобного Иосифа, 520-летию освящения первого монастырского каменного храма — Успенского собора — и 80-летию со дня рождения Митрополита Волоколамского и Юрьевского Питирима. М., 2008. С. 126–154.

⁶⁵ *Беляев Л.А.* Родовая усыпальница... С. 73.

⁶⁶ Ср.: Он же. Русское средневековое надгробие... С. 175.

⁶⁷ *Белякова Е.В., Мошкова Л.В., Опарина Т.А.* Кормчая книга: от рукописной традиции к первому печатному изданию. М.; СПб., 2017. С. 122. Мнение А.С. Павлова о принадлежности ответов редакции канониста XIV в. Матфея Властаря [*Павлов А.С.* Кому принадлежат канонические ответы, автором которых считался Иоанн, епископ Китрский (XIII в.) // *Византийский временник*. Т. I. Вып. 3–4. СПб.; Leipzig, 1894. С. 493–502] авторы не считают убедительным. Также: *Анашкин А.В.* Канонические «Ответы» патриарха Константинопольского Николая III Грамматика (1084–1111): содержание, источники, история текста // *Вестник ПСТГУ III: Филология*. Вып. 2 (32). М., 2013. С. 87–113.

⁶⁸ Стоглав... С. 318.

⁶⁹ *Белякова Е.В., Мошкова Л.В., Опарина Т.А.* Кормчая книга... С. 242.

⁷⁰ Кормчая. М.: Печатный двор, 1. VII. 1650. Зёрнова. № 222. Л. 600 об.

триархах Никоне и Иоакиме, куда вошёл перевод 38 ответа патриарха Антиохийского Феодора Вальсамона († после 1199) на вопросы патриарха Александрийского Марка, где, частности, отмечалось: «никтоже въ цркви дѣ погребѣтъ мѣртва <...> не ѣпо ѣтъ погребѣти когдѣ въ цркви, ꙗще ѣвѣ мѣчннческоѣ чѣлмъ чѣло лежнѣ»⁷¹. Суровая категоричность запретов, скорее всего, исходила из храмоздательной практики, канонической основой которой было правило 89 (94) V Карфагенского собора, которое предписывало, что «ни одна церковь не может быть воздвигнута без <...> полагания мощей св. мучников в основании алтарей». Оно было подтверждено 7 правилом VII Вселенского собора, запрещавшим освящение храма без положения мощей мучеников; если же храмы были освящены без положения мощей, правило предписывало положить их «с обычною молитвою»⁷². Тем не менее, запрета на захоронения внутри храмов эти правила не содержали.

В наиболее понятной для паствы форме данный запрет поддерживали памятники агиографии, распространявшиеся на Руси с XVI в. Так, Житие Прокопия Устюжского сообщало, как некий наместник повелел похоронить внутри храма, рядом с могилой подвижника, своего слугу, «злонравна и люта и немилостива к христианом», умершего «злою смертию не тако, якоже христианский обычай имать, с исповеданием и покаянием сердечным и причащением тела и крове Христа Бога нашего, но без всякаго исправления христианского погибе». После трёхкратного чудесного разрушения надгробницы останки грешника были захоронены вне храма⁷³.

Яркую агиографическую параллель к данному сюжету даёт сочинение св. папы Римского Григория I Великого (Двоеслова) «Dialogorum libri IV De vita et miraculis patrum Italicorum et de aeternitate animarum»⁷⁴, известное на Руси как Патерик Римский. Древнейший его перевод на славянский язык был сделан в Болгарии в конце IX или начале X в., но на Руси он распространился с конца XV или первой половины XVI в. Один из эпизодов этого произведения посвящён судьбе некоего патрикия Валериана, который «до ст҃ротн чѣко жнвѣ безъ вѣрѣжнїл». За «мѣдѣ» епископ похоронил его в одном из городских храмов, однако тело грешника стало издавать смрад и трижды чудесной силой было выброшено далеко за пределы церкви. На вопрос же, какая «полза гребѣщїм сѣ въ цркви», свт. Василий дал положительный ответ: «срѣдобола бо ѣ ѣнжѣ в подобнѣл

⁷¹ Требник. М.: Печатный двор, 10.12.1658. Зёрнова. 280. Л. 280; Требник. М.: Печатный двор, 24.02.1662. Зёрнова. 295. Л. 129–129 об.; Требник. М.: Печатный двор, 12.1688. Зёрнова. 417. Л. 128–128 об. Греческий текст: *Theod. Balsam. Canones synodi Carthaginenses. Can. 23 // PG. T. 138. Col. 988 a–c.*

⁷² Подробнее см.: *Живов В. М.* Святость. Краткий словарь агиографических терминов. М., 1994. С. 51–52.

⁷³ *Власов А. Н.* Житийные повести и сказания о святых юродивых Прокопии и Иоанне Устюжских. СПб., 2010. С. 39, 42, 55–56.

⁷⁴ Латинский текст: PL. T. 77. Col. 150–430.

съвнрангъ сѧ мѣста . своѣмъ видѣще грѣшныи помнннѧ сѧ и о нѣмъ мѣтвы приносятъ къ бѣгоу . нѣже оубо грѣшн соуть члвци»⁷⁵.

Этот эпизод толковался в уже упомянутых «Слове да не желаем погребатися в святых церквах» и «Слове о кладущихся в святых церквах». В первом из них судьба патрикия Валериана служит предостережением для желающих быть погребённым внутри храма, поскольку от тел грешников (а грешен каждый человек) исходит нестерпимый смрад⁷⁶. По мнению автора второго Слова, погребение тела в церкви не избавит души усопших от грехов, но лишь «ѡ своѣмъ свгрѣшениѡ ѡбжени горшеѣ и мѣтвѣи прѣимутъ». Автор призывает «не чѣстнмѣсѧ грѣшныи и ѡколннѣи члвѣ своѣи клѣтн въ цркви . еже не свѣтъ достѡнни <...> почѣстнмѣсѧ имѣти поколѣнїѣ и многостннѣи кротостѣ и възѣржанїѣ и всѧ добраѧ дѣла . дѧ прнчастннцы едѣмъ жнзнь вѣчннѧ»⁷⁷.

Хотя данный запрет соблюдался далеко не всегда, он всё же способствовал размещению погребальных сооружений, имевших особый статус, — боярских родовых усыпальниц — за пределами литургического пространства храма. Эволюция этих сооружений подробно прослежена С.Ю. Шокаревым, который показал, что в XVI–XVII вв. они пристраивались в виде отдельной палатки к внешней стене храма или создавались в притворе, подклете или изолированной от храма усыпальнице⁷⁸. Из них наиболее изученной является родовые усыпальницы Романовых в московском Новоспасском монастыре, а также Пожарских и Хованских в Спасо-Евфимиевом монастыре Суздаля⁷⁹. Вот почему строительство в Кирилло-Белозерском монастыре церкви св. князя Владимира над могилой князя В.И. Воротынского вызвало гнев Ивана Грозного: «А вы се над Воротынским церковь есте поставили! Ино над Воротынским церковь, а над чудотворцом (прп. Кириллом Белозерским. — А. А.) нет. Воротынской в церкви, а чудотворец за церковию!»⁸⁰.

⁷⁵ Патерик Римский. Диалоги Василия Великого в славянском переводе / Изд. подг. К. Дидди. М., 2001. С. 477, 479.

⁷⁶ Пролог. Первая половина (сентябрь-февраль). М.: Печатный двор, 16.XII.1642. Зёрнова. № 163. Л. 683 об. — 684.

⁷⁷ Пролог с января по май // РГБ ОР. Ф. 304.I (Основное собрание Троице-Сергиевой лавры). № 723. Л. 46–47 (список XVI в.).

⁷⁸ Шокарев С.Ю. Палатки на кладбищах XVI–XVII вв. Об одном малоизвестном виде намогильных сооружений // Воротынские чтения. Средневековая Россия: военные и духовный опыт предков / Материалы Всероссийской научно-практической конференции (Вологда — Кириллов, 5–7 сентября 2019 г.). Вып. 1. Вологда, 2020. С. 133–137.

⁷⁹ См.: Станюкович А.К., Звягин В.Н., Черношвитов П.Ю., Ёлкина И.И., Авдеев А.Г. Усыпальница дома Романовых в Московском Новоспасском монастыре. Кострома, 2005; Беляев Л. А. Родовая усыпальница...

⁸⁰ Послания Ивана Грозного / Подг. текстов Д.С. Лихачёва и Я.С. Лурье. Пер. и коммент. Я.С. Лурье. Под ред. В.П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1950 (репр.: СПб., 2005). С. 173. На связь данного фрагмента послания Ивана Грозного с ответами Иоанна Китрского обратил

4. Погребение и поминовение умерших
«благой», «нужной» и «напрасной» смертью»

Идеалом древнерусского человека была «благая» кончина, не препятствующая отпеванию в храме, погребению на приходском кладбище и церковному поминовению. Её свидетельством была самая распространённая формула эпитафий, вырезанных на белокаменных плитах и валунных надгробиях — «преставися раб Божий / раба Божия». Как показывают эпитафии XVI–XVII вв., под этой формулой скрывались случаи смерти во время эпидемий⁸¹ и даже казнь во время опричных репрессий⁸².

Белокаменная намогильная плита сопрягала материальные свойства камня с такими нематериальными качествами, как незыблемость, устойчивость, невременность, что также исходило из Нового Завета, где христиане — «*нѣкоу клѣмнѣ жнѣво*» — уподоблялись Господу, «*клѣмни жнѣво, ѿ челоуѣкъ оубо оупнижѣнѣ, ѿ егѣа же нѣзбрѣннѣ чѣстнѣ*»⁸³. Её форма и декоративное оформление дали нейтральный образ смерти тела, скрытого узором, общим с основополагающими для иконописи обратной перспективой и смешением понятий «цвет» и «свет», а формула «преставися раб Божий (имярек)», уравнивавшая в рамках религиозной корпорации «разных чинов людей», признавала их равенство и ответственность перед Богом в земной жизни и после смерти⁸⁴.

А.Л. Юрганов обратил внимание на то, что формула «раб Божий» соотносится со словами апостола Павла: «*нынѣ же свободышесѣ ѿ грѣхѣ . порабѣтившесѣ же ебѣви , ѿмаче плодѣ вѣшчѣ во ебѣви , кончинѣ же жнзнь вѣчнѣнѣ*»⁸⁵. Исследователь полагает, что сформулированная апостолом концепция «рабства Богу по духу», противопоставленная «закону плоти», являлась одной из основных ценностей древнерусского

внимание Д.А. Будюкин (см.: Будюкин Д.А. Храмоводительство и места погребения дворян Кожиных: трансформация коммеморативных практик в XVII–XVIII вв. // Вестник ПСТГУ. 2015. Сер. II: История. История Русской Православной Церкви. Вып. 5 (66). С. 24.

⁸¹ Авдеев А.Г. Малоизвестные эпиграфические источники о моровом повстении 1654 г. в Московской Руси // Palaeoslavica. 2019. Т. XXVII. № 1. С. 109.

⁸² CIR0410 (надгробие прп. Корнилия Псково-Печерского); Гириберг В.Б. Материалы для свода надписей на каменных плитах Москвы и Подмосковья XIV–XVII вв. Ч. I. Надписи XIV–XVI вв. // НЭ. 1960. Т. I. С. 28. № 42 (надгробие князя И. И. Кубенского).

⁸³ 1 Пет. 2: 4–5. Здесь и далее Священное Писание здесь и далее цитируется по изданию: Библия, сиречь книги Ветхаго и Новаго Завета по языку славенску. М.: Печатный двор, XII.1663. Зёрнова. 306. Ср.: Беляев Л.А. Иерусалимские мотивы в надгробиях средневековой Москвы // Иерусалим в русской культуре / Сост. и отв. ред. А.Л. Баталов и А.М. Лидов. М., 1994. С. 149; ср.: Щенков А.С., Вятчина Т.Н. Об иконографии и тектонике православного храма (Опыт содержательной интерпретации архитектурных форм). М., 1996. С. 64.

⁸⁴ Юрганов А.Л. Категории русской средневековой культуры. М., 1998. С. 234.

⁸⁵ Рим. 6: 22.

общества, отражавшей свободу воли человека⁸⁶. И, хотя формула «преставился раб Божий» известна в летописях и поминальных граффити с последних десятилетий XI в., с конца XV в. она приобрела особую значимость в связи с распространением ереси жидовствующих и богословскими спорами между иосифлянами и нестяжателями о пределах «самовластия» человека. В целом данная формула, организующая структуру эпитафий, указывала на кончину «во всяком христианском благочестии», отражала представление о «смерти-для-себя», то есть брэнного тела, и подчёркивала бессмертие души, отражённое в надписи на камне⁸⁷.

На погребение умерших, чья «благая» смерть не вызывала сомнений, очевидно, в конце XVI в. был введён специальный налог, впервые упоминаемый в жалованной несудимой грамоте Бориса Годунова митрополиту Новгородскому Варлааму (1598)⁸⁸ и именуемый в более позднее время «похоронное». Необходимость его взимания подтвердил патриарх Филарет, предписав «похоронного имати по гривнѣ»⁸⁹. Эта же практика сохранялась и в XVII в. Вероятно, вместе с данным налогом была введена письменная фиксация любых смертных случаев в так называемых «похоронных памятях»: патриарх Филарет предписывал «похоронные памяти писати въ книги подлинно <...> и безъ похоронныхъ памятей умерших не похороняти»⁹⁰. Копии этих записей — собственно похоронные памяти — выдавались на руки родственникам умершего «безднежно», равно как не взималась пошлина за запись в книги⁹¹.

Поминальная практика досинодального периода базировалась на византийской традиции. Общие молитвы за живых и усопших во время литургии — ветхо- и новозаветных подвижников, церковно- и священнослужителей и мирян — совершаются на заключительной, самой вариативной, части анафоры — *intercessio* (ходатайстве) — и на проскомидии (приношении)⁹². При этом общехристианскую каноническую основу допустимости / недопустимости захоронений в зависимости от обстоятельств смерти давало уже упомянутое 14 правило св. Тимофея Александрийского.

⁸⁶ Юрганов А.Л. Категории... С. 239.

⁸⁷ Подробнее см.: Авдеев А.Г. Образ смерти в христианской культуре XIV–XV вв. и рождение поминальной практики в Московской Руси // Преподобный Иосиф Волоцкий и его обитель. Вып. IV. Материалы научно-практической конференции, посвящённой 500-летию преставления преподобного Иосифа Волоцкого. М.: Добрая мысль, 2017. С. 225–235.

⁸⁸ ДАИ. Т. I. СПб., 1846. С. 252. № 148.

⁸⁹ Амвросий (Орнатский), архим. История Российской иерархии... С. 269.

⁹⁰ Там же.

⁹¹ ПСЗ. Собр. 1-е. Т. III: 1689–1699. СПб., 1830. С. 417. № 1612; Инструкция Старостам Поповским... С. 382; Уставная грамота патриарха Адриана... С. 34.

⁹² Подробнее см.: Новгородские синодики XIV–XVII веков / Подг. текстов, исследование Т. И. Шабловой. СПб., 2017. С. 6–15.

Включённость паствы в обрядовую сторону поминальной практики и слабое знакомство с каноническими правилами породило запрос о случаях допустимости христианского погребения и поминовения. Так на низовом уровне религиозной (народной, традиционной или массовой) культуры возникли различные суеверия, связанные с представлениями о «заложных» покойниках, которые, как уже говорилось, Д.К. Зеленин связал с пережитками язычества. Источники XV–XVII вв. позволяют заключить, что эти представления теснейшим образом связаны с православной погребальной обрядностью, где не менее важными элементами, чем отпевание в церкви, являются церковное поминовение и погребение на приходском кладбище, в могиле, выкопанной в освящённой земле, не говоря уж о воззрениях на греховность / негреховность смерти — элементах, не свойственных восточнославянскому язычеству. В этом отношении важной является точка зрения С.М. Толстой, отметившей, что «нельзя не учитывать, что дошедший до нашего времени тип погребального обряда и структурно, и в определённой степени семантически связан с обычаем трупоположения, который, по данным археологии, представляет собой инновацию (по отношению к обряду трупосожжения), датируемую приблизительно началом христианизации славян»⁹³. Таким образом, вопрос о «заложных» покойниках следует рассматривать в контексте народной культуры — как случаи, по меткому выражению В.М. Живова, «проявления внеуставного народного благочестия»⁹⁴, возникшие в христианскую эпоху и развивавшиеся в рамках христианской погребальной обрядности. Корни этого явления лежат, с одной стороны, в противоречии между поминальной практикой Русской Церкви и народными суевериями (что было отмечено Д.К. Зелениным). С другой стороны, одним из сложных вопросов в практике Русской Церкви был вопрос, какие случаи «нужной» смерти достойны отпевания в храме, погребения на кладбище и церковного поминовения, что не было отражено в древнеславянских Кормчих. Длительная неотрегулированность вопроса о погребении умерших «напрасной» смертью в каноническом праве Руси как раз и способствовала укоренению представлений о «заложных» покойниках.

Для примера приведу два переводных произведения, бытовавших на Руси, но относящихся к разным эпохам и отражающих разные традиции в отношении к умершим «нужной» смертью. Первое — это апокрифические «Ответы Афанасия Александрийского князю Антиоху», которые в списках разной степени полноты были известны на Руси с XI в.⁹⁵, включались в Синодики⁹⁶,

⁹³ Толстая С.М. Учёная проза поэта // Седакова О. А. Поэтика обряда. Погребальная обрядность восточных и южных славян. М., 2004. С. 9–10.

⁹⁴ Живов В.М. Из церковной истории времён Петра Великого: исследования и материалы. М., 2004. С. 48.

⁹⁵ О нём см.: Мильков В.В. Справочник древнерусских апокрифических текстов, представляющих концепции земного рая // Язык и текст langpsy.ru. 2018. № 5. С. 51–54.

⁹⁶ Дергачёва И.В. Древнерусский Синодик. Исследования и тексты. М., 2011. С. 141.

а также в созданные в конце XV — последней четверти XVI в. изводы кормчих⁹⁷. В 1656 г. в новом переводе Епифания Славинецкого они были изданы в составе Скрижали⁹⁸. Второе — это Синаксарь, созданный византийским богословом Никифором Каллистом Ксанфопулом во второй половине XIV в. На Русь перевод этого произведения попал в конце XIV — начале XV в., после введения Иерусалимского устава вошёл в Триодь постную и в её составе регулярно печатался в XVII в.⁹⁹ В 74 ответе на вопрос князя Антиоха, как следует относиться к кончине «внезапу умирающих или ѿ высоты падающих или ѿ иных таковых смертей умирающих», псевдо-Афанасий отвечает, что «горькая смерть» «Бгѹ единому вѣдома» и служит к назиданию живых: «ѿ сего убо познаваемъ, яко не вси нечествіи, или неправедни суще, горкою смертію скончающеся умирають <...> блѣгоуѣйніи убо горкою умирають смертію, мало что согрѣшеніе имѣяху и сего избавишася таковою горкою смертію, яко да болше воистинну честемъ сподобятся <...> и грѣшникъ гдѣ явится, такожде же и грѣшникъ таковою смертію умирающе, всяко ѿ сего ѿчасти милость получаютъ». Свидетели же «напрасной» смерти «ползу нѣкую приемлють, видяще напрасно кого восхищаема, якоже не вѣсть члѣкъ»¹⁰⁰. Никифор Ксанфопул, использовавший этот апокриф в синаксарном чтении в субботу мясопустную, полагал, что день общего поминовения умерших «ѿ вѣка блѣготѣишо скончавшимся человекомъ вѣемъ, вѣжѣтвенніи бѣи оузаконниша творѣти», но, в отличие от предшественника, считал, что вместе с ними общего поминовения заслуживают и те, кто «бѣи оуднии многѣжды настрагнѣ подьяша смерть, в мори же ѿ непроходны горѣхъ, стремнилахъ же ѿ пропагѣхъ, ѿ глѣдомъ ѿ запалиемъ, ѿ враньми ѿ стѣдьямѣи, ѿ инако вѣско смертьми претерпѣвши. равно же ѿ оубоѣи соуще, ѿ нѣмоции» — те, кто в момент кончины «оузаконнишѣ ѹмлювъ ѿ пѣсней, пѣмѣти не полѣнша»¹⁰¹.

В V–VI вв. поместные соборы Западной Церкви — Арелатский (452), Орлеанский (533), Брагский (563) и др. — приняли ряд суровых, но не обязательных для Восточной Церкви постановлений в отношении самоубийц, то есть лиц, умерших «напрасной» смертью. Их запрещалось хоронить в церковной земле и служить по ним заупокойную службу¹⁰². Однако Псевдо-Афанасий ещё не отличал «нужную» смерть от «напрасной»: и та, и другая были для него «злой

⁹⁷ Белякова О.В., Мошкова О.В., Опарина Т.А. Кормчая книга... С. 109–111; ср.: *Архангельский А.С.* Творения Отцов Церкви в древне-русской письменности. Извлечения из рукописей и опыты историко-литературных изучений. Т. I–II. Казань, 1889. С. 74–76.

⁹⁸ Скрижаль. М.: Печатный двор, 2.6. 1656. Зёрнова. 266. Л. 1–212 (отд. пагинации).

⁹⁹ См.: *Давыдова С.А.*, Черторицкая Т.В. К истории синаксаря // ТОДРЛ. 1993. Т. XLVII. С. 158–159.

¹⁰⁰ *Порфирьев И.А.* Апокрифические сказания о новозаветных лицах и событиях по рукописям Соловецкой библиотеки // Сборник ОРЯС. Т. LII. № 4. СПб.. 1890. С. 353–354; греческий текст: PG. Т. XXVIII. Col. 637d — 640b.

¹⁰¹ Триодь постная. М.: Печатный двор, 11.10.1650. Зёрнова. 224. Л. 34 об. — 35.

¹⁰² *Паперно И.* Самоубийство как культурный институт. М., 1999. С. 66.

кончиной» (πικρῶ θανάτῳ), свершившейся по промыслу Божьему для вразумления живых. Точно так же этот вопрос в XII–XIII вв. не был ясен даже для русского епископата. Так, в 1145 г. новгородский архиепископ Нифонт запретил отпевать двух утонувших священников¹⁰³. Наиболее маргинальные формы решение этого вопроса приобрело у рядовых верующих. Епископ Серапион, в 1274–1275 гг. возглавлявший Владимирскую кафедру, осуждал паству за обычай выкапывания из могил самоубийц и утопленников, будто бы насылающих природные катаклизмы¹⁰⁴. Но обличаемое им «язычество» неравнозначно современному пониманию этого термина и соотнесено с недостойными христиан поведением и суевериями¹⁰⁵. Мнение владыки основывалось на примерах из Священного Писания и исторических прецедентах (в том числе из древневосточной и античной истории). Точно так же и позднее прп. Максим Грек не увидел в выкапывании самоубийц языческой составляющей, но считал его «безумной и богомерзской прелестью», приводя в примеры благочестивого отношения к телам погибших насильственной смертью из Священной и современной ему истории¹⁰⁶.

Поминовение лиц, умерших «нужной» смертью вошло в богослужебную практику Русской Церкви сравнительно поздно. В XIV в. в ряд служебников (самый ранний из них датируется 1316 г.) в молитвенное последование на панихиде было включено поминовение людей, умерших при неясных обстоятельствах (и, вероятнее всего, без покаяния) «в пустыняхъ и на путехъ и на мори и на всякомъ месте»¹⁰⁷.

Положение изменилось ближе к началу последней четверти XV в., что связано с двумя обстоятельствами: усилением эсхатологических ожиданий¹⁰⁸ и утверждением Иерусалимского устава, предусматривавшего регулярное поминовение умерших. По сравнению с ранними служебниками, круг допустимых случаев «нужной» смерти и порядок поминовения в субботу мясопустную был значительно расширен в Синаксаре Никифора Ксанфопула († ок. 1350) применительно к Иерусалимскому уставу. В монастырских синодиках, начиная с

¹⁰³ Новгородская I летопись младшего извода // ПСРЛ. Т. III. М., 2000. С. 213.

¹⁰⁴ Слова и поучения Серапиона Владимирского // БЛДР. Т. 5: XIII век. СПб., 1997. С. 382.

¹⁰⁵ Ср.: Алексеев А.И. Духовная культура... С. 137.

¹⁰⁶ [Максим Грек] Инок Максима Грека послание на безумную прелесть и богомерскую мудрствующих, яко погребания для утопленного убитого бывают плодотворительны стужы земных прозябений // Сочинения преподобного Максима Грека. Ч. III. Казань, 1897. С. 138–145.

¹⁰⁷ Подробнее см.: Желтов М., свящ. Последование заупокойной панихиды в древнерусских Служебниках XIV в. // *Studia Mediaevalia Slavica et Byzantina*. Sofia, 2011. С. 221–231; Афанасьева И.А. Ранние свидетельства заупокойного поминания людей, скончавшихся неестественной смертью (на материале служебников) // Клио. Ежемесячный журнал для учёных. Печатный орган Международной академии исторических и социальных наук / *Klio. A monthly scholarly journal*. Print agency of the International Academy of history and social sciences. 2020. № 4. С. 20–24.

¹⁰⁸ Алексеев А.И. Духовная культура... С. 140–141.

рубежа 70–80-х гг. XV в. наблюдается устойчивая тенденция к снятию проблемы поминовения умерших «нужной» смертью. Так, в Синодике Павло-Обнорского монастыря, составленном около 1481 г., содержится одно из древнейших перечислений случаев насильственной смерти, не препятствующих церковному поминовению: «Помяни, Господи, скончавшихся на мори и на пути, гладом и жаждою, и наготою, и от иные напрасныя смерти, измерзших от мраза и запаленных от молнии. Помяни, Господи, избивенных на ратех и в темницах заключенных, от насилия мученых, от царей нечестивых за правоверную веру. Помяни, Господи, их же некому помянути, сирот, уродивых Христа ради мужьска пола и женска. Помяни, Господи, снесенех от зверей и от птиц, и от рыб, в горах и в водах, и в пещерах, и в пропастях земных»¹⁰⁹. Более обширный перечень случаев «напрасной» смерти содержится в Синодике прп. Нила Сорского, составленном около 1491/92 г.¹¹⁰, причём во всех этих произведениях так или иначе учитывается Синаксарь Никифора Ксанфопула. Впрочем, эта традиция утвердилась не сразу и не везде: в одном из старейших синодиков, — Новгородской Лисицкой обители, составленном в 90-е гг. XIV в., умершие «нужной» смертью не поминались¹¹¹.

Во втором десятилетии XV в., видимо, не без влияния Синаксаря, к порядку отпевания, погребения и поминовения лиц, погибших насильственной смертью применительно к реалиям повседневной жизни Руси, впервые обратился св. митрополит Фотий в окружном послании псковскому духовенству (1416 или 1417)¹¹². Он определил случаи скоропостижной смерти суммарно — «у кого сын духовный, по грѣху, напрасно умереть», полагая, что в данных случаях погибших необходимо «по закону погresti, и пѣти надъ ними, и поминати ихъ во святыхъ службахъ»¹¹³. Столетие спустя местами массовых захоронений и церковного поминовения неопознанных трупов «*нѣными всякими смрътями скочѣишяся*» «*судальницы*» (см. Приложение 1). Позднее более радикально проблему поминовения умерших «нужной» смертью решал прп. Иосиф Волоцкий, впервые на Руси

¹⁰⁹ ГИМ ОР. Собрание Е.В. Барсова. № 952. Л. 6–6 об. Цит. по: *Афанасьева И.А.* Поминовение умерших всякого рода смертями (по материалам древнейших Синодиков-помянников) // Исторический журнал: научные исследования). 2018. № 5. С. 19–35 // URL.: http://npublish.com/library_read_article.php?id=27290. Заглавие с экрана. Дата обращения: 20.09.2018. Ср.: *Терёшкина Д.Б.* «Егда душа от тѣла разлучается, ужасна тайна всѣм и страшна» (Смерть в Синодике Новоезерского монастыря) // *Древняя Русь: во времени, в личности, в идеях / Палаоромѣа еѵ хрѳовѣ, еѵ пробѣлѣ, еѵ еѵбел.* Альманах. Вып. 1 / Под ред. П.И. Гайдено. СПб.; Казань, 2014. С. 143–153.

¹¹⁰ *Дергачёва И.В.* Древнерусский Синодик... М., 2011. С. 307–310.

¹¹¹ *Алексеев А.И.* Духовная культура... С. 141.

¹¹² АИ. Т. I. СПб., 1841. С. 46. № 22 = Памятники древне-русского канонического права. Ч. I (Памятники XI–XV вв.) // РИБ. Т. 6. СПб., 1880. Стб. 276. № 33 = Русский феодальный архив XIV — первой трети XVI века / Сост. А.И. Плигузов. М., 2008. С. 491. № 136.

¹¹³ АИ. Т. I. СПб., 1841. С. 46. № 22 = Памятники древне-русского канонического права... Стб. 276. № 33.

отделивший не прощаемые грехи, к которым отнёс богоотступничество, ересь и самоубийство, не подлежащие церковному поминовению, от прощаемых (в том числе и в случаях «напрасной» смерти)¹¹⁴. Последние могли быть по милости Божией прощены — при условии постоянных поминальных молитв.

Следствием происшедших перемен стало формирование культуры подписного белокаменного надгробия¹¹⁵.

Иногда русские иерархи давали развёрнутые ответы на вопросы мирян о казавшихся им неоднозначными случаях смерти. Так, дмитровский князь Юрий Иванович направил послание архиепископу Нилу, занимавшему тверскую кафедру в 1509–1521 гг., допустимо ли хоронить и помянуть плотника, который сорвался с лесов во время строительства храма в селе Покровском близ Кашина, а тем более освящать храм и совершать в нём богослужения после этого случая. Архиерей, грек по происхождению, благословил в новопостроенной церкви «по нашему <...> обычаю пети молебны <...> и вода святити и кропити церковь и <...> литургисаги в ней». Что же до погибшего плотника, владыка отметил, что он, как «православный человек благодаря Бога пошел создати, а не разорити», а потому его «необходимо поминати, как и по прочем христианине». Своё мнение архиепископ Нил обосновывал тем, что основатель Великой лавры прп. Афанасий Афонский погиб вместе с учеником, упав во время строительства купола церкви¹¹⁶.

Закономерным итогом стало соборное решение 1548 г. об официальном введении общей памяти умершим, которое закрепило поминовение погибших «от иноплеменных на бранех и на всех побоищах избиенных, и в плен сведенных, и гладом, и жаждою, и мором, и наготою, и мразом, и всякими нужными смертми умерших, и во всяких пожарех убиенных и сожженных, скончавшихся и в водах утопших, и всех православных христиан всячески умерших»¹¹⁷.

С конца XVI в. вопросы погребения и поминовения погибших «нужной» смертью стали предметом заботы царской власти. В жалованных и несудимых

¹¹⁴ Синодик Иосифо-Волоколамского монастыря (1479–1510-е годы). Подг. текста и иссл. Т.И. Шаболовой. СПб., 2004. С. 6; *Дергачёва И.В.* Древнерусский Синодик... С. 21–41. А.И. Алексеев не связывает эту редакцию с прп. Иосифом и даёт более широкую дату создания — не ранее первой половины и не позднее 70–80-х гг. XV в. См.: *Алексеев А.И.* Под знаком конца времён. Очерки русской религиозности конца XIV — начала XVI в. СПб., 2002. С. 141.

¹¹⁵ Подробнее см.: *Авдеев А.Г.* К вопросу об обстоятельствах появления старорусских подписных надгробий // Преподобный Иосиф Волоцкий и его обитель. Материалы научно-практической конференции, посвящённой 500-летию открытия для поклонения святых мощей преподобного Иосифа Волоцкого и 10-летию кончины митрополита Волоколамского и Юрьевского Питирима. Вып. III. М., 2015. С. 381–394.

¹¹⁶ *Брюсова В.Г.* Тверской епископ грек Нил и его Послание князю Георгию Ивановичу // ТОДРЛ. 1974. Т. XXVIII. С. 187.

¹¹⁷ *Дергачёва И.В.* Посмертная судьба и «иной мир» в древнерусской книжности. М., 2004. С. 159–160.

грамотах, направленных епархиальным архиереям, появляются подробные разъяснения, какие случаи «нужной» смерти нельзя считать совершёнными по греху, что было новым явлением. Вероятно, один из первых таких актов, жалованная и несудимая грамота, выданная Борисом Годуновым митрополиту Новгородскому Варлааму в 1598 г., свидетельствует об ужесточении требований к порядку захоронения и поминовения погибших, предъявляемых светской властью к священноначалию и содержал требования, чтобы при обнаружении тела человека, погибшего насильственной смертью, «бояре наши и конюшие и намѣстницы <...> и дьяки, и судьи, и волостели, и тиуны их <...> осматривати велять их и хоронити безпенно»¹¹⁸. Употреблённый здесь термин «безпенно»¹¹⁹ свидетельствует о том, что погибшие «нужной» смертью освобождались от похоронного налога.

Эти правила действовали и в конце XVII в. Митрополит Новгородский Евфимий в окружном послании, направленном в июле 1695 г. архимандриту Валдайского Иверского монастыря Антонию разъяснял: «похоронные памяти умерших скоропостижно смертию о погребеніи тѣль давать безденежно, розыскивая, а пошлинь съ нихъ и отъ записки не имать ни по чему, а для вѣдома тѣхъ памятей и кто какою смертию умереть записывать въ книги впредь для спору». Одновременно владыка предостерегал: «а которые попы учнуть <...> умерших скоропостижно смертию безъ похоронных погребать, и на тѣхъ попахъ велѣтъ править пени по два рубли по восьми алтынъ по двѣ денги на попѣ»¹²⁰. Эти требования исходили из 14 правила св. Тимофея Александрийского. Утверждённое на VI Вселенском соборе и вошедшее в древнеславянские кормчие¹²¹, оно возлагало на священнослужителя обязанность расследования, покончил ли с собой человек «вне ума», или же «от малодушия» — в последнем случае поминовение запрещалось.

Из разосланного в 1697 г. «Наказа» патриарха Андриана известно, что эти книги составлялись «для вѣдома, кто какою смертию умре». Вместе с тем, целью таких осмотров было не столько выявление случаев самоубийства, но и определение, не связана ли кончина с уголовным преступлением, что налагало ответственность на духовных лиц, которые должны были извещать обо всех сомнительных смертных случаях светские власти, если речь шла о мирском человеке. Так, в 1671 г. архимандрит Паисиева Галичского монастыря Сергей в челобитной, направленной галичскому воеводе, ходатайствовал о привлечении к ответственности князя Семёна Андреевича Львова, который прислал для погребения в монастыре тело своей жены со следами побоев¹²².

¹¹⁸ ДАИ. Т. I. СПб., 1846. С. 252. № 148.

¹¹⁹ См.: СлРЯ XI–XVII вв. Вып. 1. М., 1975. С. 157. s.v. беспенно 2; СлОРЯ. Вып. 1. СПб., 2004. С. 144. s.v. беспенно.

¹²⁰ АИ. Т. V. СПб., 1842. С. 448, 450. № 244. II.

¹²¹ Бенешевич В.Н. Древне-славянская кормчая XIV титулов без толкований. Т. 1. СПб., 1906. С. 546.

¹²² РГАДА. Ф. 1209 (Поместный приказ, Вотчинная коллегия и Вотчинный департамент). Оп. 78 (Документы и дела, сформированные из россыпи). Д. 707. Л. 8.

Что же касается подобных случаев в монастырях и на принадлежащих им землях, то решение о возможности или невозможности выдачи похоронной памяти принимал епархиальный архиерей в зависимости от обстоятельств кончины. Так, игумен Спасо-Прилуцкого монастыря Гурий в 1601 г. направил челобитную архиепископу Вологодскому и Великопермскому Ионе, где сообщил о скоропостижной смерти без исповеди старца Антония, подвизавшегося в обители. В ответ была выдана похоронная память за приписью архиепископского тиуна Ждана Иванова с предписанием: «Божія де воля сталось того жь Прилуцкого монастыря старцу Онтонью, пришла де ему скорая смерть, преставися де безъ отца духовного. И ты б велѣль старца Онтонья похоронить безпенно»¹²³. Иной случай отмечен в челобитной архиепископа Вологодского и Великопермского Маркела, направленной в июле 1653 г. царю Алексею Михайловичу. В ней он сообщал, что к нему обратился «Вологодцкаго уезду Бохтюжские волости крестьянин Волынского Микитка Заплата». Он известил архиерея, что «судом де Божиим за грехи убили дети мои Глушитцкого монастыря крестьянина Васку Трофимова» и попросил «дать похоронная память, то убитое мертвое тело у церкви погресть». Слова крестьянина не вызвали у архиепископа доверия. И, хотя селянин подтвердил свои слова на очной ставке, владыка отказал в выдаче похоронной памяти, поскольку подобные случаи не имели прецедента («многих людех, будто, по такой челобитной о похоронной памяти не били челом»), и обратился к царю с просьбой «указ учинить в том, иво (Микитки Заплаты. — А.А.), воровском оболганье»¹²⁴.

Процесс реализации этих правил также иллюстрирует «дело» 1677 г. о смерти и погребении священника Симеона, который служил в церкви Леонтия Ростовского, находившейся в одной из вотчин Дионисиево-Глушицкого монастыря. Ещё дома, он «почал во уме своем забываться», а, уехав в Вологду, «вне ума обесился» (повесился) в доме священника Софийского собора Андрея. Последний изложил суть дела в челобитной архиепископу Вологодскому и Белозерскому Симону, который, в свою очередь, распорядился послать в дом священнослужителя «поповских старост и десятцких и того обещенного попа Семиона досмотреть и записать, вина он не опился ли и кто ево не убил ли». Досмотр, проведённый в присутствии понятых (sic!), показал, что на «попе Семионе битых и никаких ран нет, только знать на шее удувленная петельная синева, а удавился он в дому у попа Андрея в чюлане к грядке¹²⁵, у грядки обрывок петли пояс нитяной, а другой обрывок на шее того же пояса». За осмотр трупа хозяин

¹²³ Акты юридические, или собрание форм старинного делопроизводства. СПб., 1838. С. 428. № 408.

¹²⁴ *Баинин Н.В.* Дионисиево-Глушицкий монастырь... С. 662–663. № 108.

¹²⁵ Грядка — шест, перекладина (СлРЯ XI–XVII вв. Вып. 4. М., 1977. С. 149. s.v. грядка, 2–3).

дома заплатил в Сыскной приказ «поголовные деньги» — 4 руб., 4 алт. и 1,5 ден. Тело же священника Симеона было отвезено в убогий дом, после чего его вдова и духовные чада стали хлопотать о его погребении в Дионисиево-Глушицком монастыре перед владыкой¹²⁶.

В 1695 г. митрополит Новгородский Евфимий в окружном послании архимандриту Валдайского Иверского монастыря отмечал, что случаи «нужной» смерти необходимо «обыскивать накрѣпко», но только, если имеется соответствующий письменный запрос — «по челобитью». По мнению владыки, подтверждение «нужности» смерти не препятствовало церковному поминовению и погребению «у церкви Божіи»¹²⁷. Два года спустя патриарх Адриан уже требовал ужесточить сложившуюся практику, и непереносимым условием погребения погибшего «нужной» смертью «у церкви Божіи» ставил дополнительный розыск, возлагавшийся на духовника умершего: «и про тѣхъ людей велѣть обыскивати накрѣпко: того года онъ у отца духовнаго на исповѣди былъ ли, и будетъ былъ, велѣть похоронить у церкви Божіи, и надъ ними отпѣвать, какъ и надъ прочими православными христіаны»¹²⁸.

В таблице 1.1 отражены признаваемые с начала XV в. церковными иерархами случаи «нужной» смерти, которые не препятствовали погребению на кладбище и поминовению в храме. Более строгие правила касались погребения и поминовения погибших «напрасной» смертью (табл. 1.2). Митрополит Фотий именовал такие случаи «самовольной жертвой, но не Богу» и относил к ним самоубийство («который отъ своихъ рукъ погубится, удавится или ножемъ избодесть, или въ воду себя ввержетъ») и гибель во время судебного поединка в поле¹²⁹. Последний в качестве одной из важнейших категорий средневекового права допускался Судебниками 1497 и 1550 гг.¹³⁰, но как особый вид душегубства, пятнавший как истца, так и ответчика, и даже как самоубийство активно осуждался Русской Церковью с XV в. (табл. 1.2)¹³¹. В актах конца XVI–XVII вв. этот вид «напрасной» смерти не назван, что, видимо, связано с отмиранием данного обычая. Соборное Уложение 1649 г. его уже не упоминает.

Падение нравов среди московитов в XVII в. привело к расширению списка случаев «напрасной» смерти. К ним стали относить смерть от алкогольного от-

¹²⁶ Башилин Н.В. Дионисиево-Глушицкий монастырь... С. 797–801. № 218–222.

¹²⁷ АИ. Т. V. СПб., 1842. С. 451. № 244. II.

¹²⁸ ПСЗ. Собр. 1-е. Т. III: 1689–1699. СПб., 1830. С. 417. № 1612; Инструкция Старостам Поповским... С. 382; Уставная грамота патриарха Адриана... С. 34.

¹²⁹ АИ. Т. I. СПб., 1841. С. 46. № 22 = Памятники древне-русского канонического права... Стб. 379. № 43.

¹³⁰ См.: Алексеев Ю.Г. Судебник Ивана III. Традиция и реформа. СПб., 2001. С. 195–201.

¹³¹ Памятники древне-русского канонического права... Стб. 276. № 33 (1410); Ст. 285. № 34 (1410–1417); Стб. 860, 869. № 124 (конец XV в.).

равления (пьянство осуждалось Стоглавом, но не столь радикально), утопление во время купания, убийство во время совершения уголовного преступления, а также смерть от падения с качелей во время игрищ, творимых мирянами в дни крупных православных праздников (табл. 1.2). В определении Владимирского собора 1274 г., изложенном в грамоте митрополита Кирилла II, эти игрища квалифицировались как бесовское занятие, приравненное к обычаям «треклятыхъ елинь». На отпевание и погребение на церковном некрополе погибших во время таких ристалищ был наложен категорический запрет: «надъ нихъ не ходять іереи и слоужбы за нихъ да не творять, ни положити ихъ близъ Божиихъ церквь. Аще которыи попь дерзнетъ что сътворити надъ ними, да боудеть чюжь своего сана»¹³². Стоглавый собор запретил подобные игрища, назвав их «еллинской прелестью»¹³³. Термин этот, в зависимости от контекста, имел широкое значение, не обязательно связанное с русским язычеством. Так, прп. Максим Грек понимал под ним античные представления о бессмертии души¹³⁴. Русские иерархи проявления «еллинской прелести» связывали с народными обычаями, сопряжённые с широким разгулом. Высокому слогу служителей Церкви в повседневной лексике соответствовала иная, сходная по сути, терминология. «Пчото еси бесовское позорищѣ и пласание возлюбил и пьянству совокупился, <...> к нѣполезному мирскому житию шшел еси», — упрекал героя Повести о Луке Колочском (известна в списках с XVI в.), разбогатевшего крестьянина, Можайский князь Андрей Дмитриевич за неподобающее его статусу пристрастие к пирам и охоте¹³⁵. Итак, «еллинская прелестъ» и «бесовское позорище» — суть синонимы, которыми обозначались вредящие душе православного христианина развлечения, не обязательно уходящие корнями в тьму славянского язычества.

Несмотря ни подобные обличения, пристрастие народа к разгулу оставалось чрезвычайно живучим. Патриарх Филарет, видимо, был первым русским иерархом, признавшим падение с качелей случаем «напрасной» смерти, недостойной христианского погребения и поминовения¹³⁶. С последней трети XVII в. она стала рассматриваться бок о бок со смертью от алкогольного отравления. Так, в окружном послании митрополит Курский Мисаил (май 1673), обличая «пьянство и бѣсовское глумленіе, скоморошество со всякими бѣсовскими играми»,

¹³² Памятники древне-русского канонического права... Стб. 95–96 (1274); Стб. 276. № 33 = Русский феодальный архив... С. 511–512. № 141 (1410).

¹³³ Стоглав... С. 121.

¹³⁴ *Синицына Н.В.* Творчество преподобного Максима Грека 30–50-х гг. XVI в. и собрание избранных сочинений из 47 глав // Преподобный Максим Грек. Сочинения. Т. 2. / Отв. ред. Н. В. Синицына. М., 2014. С. 43.

¹³⁵ Повесть о Луке Колочском // БЛДР. Т. 9: Конец XV — первая половина XVI в. СПб., 2000. С. 102, 104.

¹³⁶ *Амвросий (Орнатский), архим.* История Российской иерархии. Ч. III. М., 1807. С. 269.

распространившиеся среди окормляемой им паствы, отмечал: «и отъ того незапною смертию помирають, и съ качелей убиваются»¹³⁷. Столь же нетерпимым к смерти от падения с качелей были митрополит Новгородский Евфимий и патриарх Адриан¹³⁸.

Вопрос о том, где погребать тела умерших «напрасной» смертью, решался церковными иерархами по-разному. Митрополит Фотий настаивал на том, что их «по святымъ правиламъ <...> не повѣлено у церквей хоронити, ни надъ нимъ пѣти, ни поминати, но въ пустѣ мѣстѣ въ яму вложить и закопати», а души вверить Божьему произволению¹³⁹. В 1619 г. патриарх Филарет в жалованной несудимой грамоте игумену Арзамасского Спасо-Преображенского монастыря Ионе предписал хоронить в убогих домах без отпевания тела самоубийц и прочих умерших недостойной христианина смертью, распространив при этом на них похоронный налог¹⁴⁰. Митрополит Новгородский Евфимий в 1695 г. потребовал ужесточить эти нормы, и умерших «напрасной» смертью «у церкви Божіи не похранять, и над ними отпѣвать не велѣть, а класть их въ лѣсу или на полѣ одалъ отъ церквѣ, а не въ убогихъ дому»¹⁴¹. Данные ужесточения были столь созвучны времени, что спустя два года патриарх Адриан практически дословно повторил их в «Наказе», повелев умерших «напрасной» смертью «у церкви Божіи не погребать, и надъ ними отпѣвать не велѣть, а велѣть ихъ класть въ лѣсу или на полѣ кромѣ кладбища и убогихъ домовъ»¹⁴².

Частным случаем, не связанным с «напрасной» смертью, был запрет на погребение на кладбище младенцев, умерших некрещёными. Канонические правила Русской Православной Церкви предписывали «по рождествѣ во ѿмый дѣнь приносѣтъ младенца ѿ кѣлы к' храмѣ» для имянаречения, вслед за чем совершалось таинство крещения¹⁴³. Если ребёнок рождался слабый, — «ѡце оубо не мощи гбѣаи не свѣтъ, но к' смѣрти зрѣтъ» — предписывалось, что «не подоклѣтъ ѡжидати ѡкжже

¹³⁷ Русская вивлиофика, или Собрание материалов для отечественной истории, географии, статистики и древней русской литературы / Изд. Н. Полевой. Т. 1. М., 1833. С. 29.

¹³⁸ АИ. Т. V. СПб., 1842. С. 451. № 244. II; ПСЗ. Собр. 1-е. Т. III: 1689–1699. СПб., 1830. С. 417. № 1612; Инструкция Старостам Поповским... С. 382; Уставная грамота патриарха Адриана... С. 34.

¹³⁹ АИ. Т. I. СПб., 1841. С. 46. № 22 = Памятники древне-русского канонического права... Стб. 276. № 33.

¹⁴⁰ Амвросий (Орнатский), архим. История Российской иерархии... С. 269.

¹⁴¹ АИ. Т. V. СПб., 1842. С. 451. № 244. II.

¹⁴² ПСЗ. Собр. 1-е. Т. III: 1689–1699. СПб., 1830. С. 417. № 1612; [Павел (Подлитский), еп.] Описание Костромского Ипатьевского монастыря, в коем юный Михаил Федоровичъ Романов умолен знаменитымъ посольствомъ Московскимъ на Царство Русское. М., 1832. С. 101–102; Инструкция Старостам Поповским... С. 382; Уставная грамота патриарха Адриана... С. 34.

¹⁴³ Треник. М.: Печатный двор, XII. 1671. Зѣрнова. 334. Л. 3 об.

нѣцынъ злѣ глаголютъ , шестѣмъ нѣнѣ ѡсмагъ днѣ , нѣ чѣмъ крещѣти ѡгѣ , нѣ ѡкѣ крещѣти
 , дѣ не кончѣтѣ не просвѣщѣнѣ»¹⁴⁴.

Синаксарь в субботу мясопустную подчёркивал: «Вѣдѣти же нѣ се дѣлжно ,
 нѣкъ крещѣннѣ младенцы , нѣцынъ насладѣтѣ . некрещѣннѣ же нѣ поганѣи ннжѣ вѣ нѣцѣдѣ ,
 ннжѣ вѣ гесѣнѣ пойдѣтъ»¹⁴⁵. Этим и диктовался запрет на погребение на приход-
 ском кладбище младенцев, умерших некрещёнными: как не вошедшие в среду
 христиан, они могли быть похоронены в любом месте «опречь Божія церкви»¹⁴⁶.
 В этом отношении огромный интерес представляет запись в Синодике
 Милославских, вложенном в 50-е — 60-е гг. XVII в. в Киржачский Благовещен-
 ский монастырь: «престѣвнѣ рѣ вѣжнѣ младенѣ ѡвѣнѣ ѡвѣнѣ мнѣслѣкѣнѣ , ѡ жѣ нѣ
 свѣтѣоу , гѣ , чѣи , нѣ крещѣннѣ вѣ чѣѣ же чѣѣѣ . нѣ погребѣ вѣ кнѣжѣско мнѣтрѣ»¹⁴⁷.

Памятники агиографии свидетельствуют о нередком несовпадении взгля-
 дов паствы с мнением иерархов, тем более, что отличить «нужную» смерть
 от «напрасной» не всегда было возможно. Нередко селяне стремились из-
 бавиться от случайно обнаруженного тела. Неизвестно, чего здесь было
 больше — суеверного страха или боязни дорогостоящего «обыска», — но
 «дохристианские представления», которые пытаются увидеть в подобных
 случаях отдельные исследователи, отсутствовали точно¹⁴⁸. Принесение во-
 дой утопленника считалось случаем «нужной» смерти, не препятствующем
 захоронению на кладбище и церковному поминовению (табл. 1.1). Однако
 тело прав. Иакова Боровичского († ок. 1540), принесённое во время весенне-
 го половодья на льдине, «лѣдѣ <...> тѣмъ ѡвѣнѣнѣннѣ , ѡвѣнѣннѣ ѡвѣнѣннѣ,
 великаго оугодника Бжѣѣ <...> вознѣшѣшѣ ѡвѣнѣннѣ ѡвѣнѣннѣ ѡвѣнѣннѣ
 вѣпѣтѣ ѡвѣнѣннѣ»¹⁴⁹. Смерть во время грозы также считалась случаем «нужной»
 смерти (табл. 1.1), но богомудрый юноша Артемий Веркольский, в 1532 г.
 убитый громом, был похоронен окрестными селянами как человек, погибший

¹⁴⁴ Требник. М.: Печатный двор, XII. 1671. Зёрнова. 334. Л. 5–5 об.

¹⁴⁵ Триодь постная. М.: Печатный двор, 11.Х.1650. Зёрнова. 224. Л. 38 об.

¹⁴⁶ Памятники древне-русского канонического права... Стб. 868. № 124.

¹⁴⁷ ГОМЗ. Колл. редких рукописных и старопечатных книг. Ед. хр. А–729. Л. 35 об.
 О Синодике см.: Князева С.Ю. Синодик окольничего Ивана Андреевича Милославского
 XVII века из Киржачского Благовещенского монастыря // Средневековая письменность
 и книжность XVI–XVII вв. Источниковедение / Сборник материалов международной
 научно-практической конференции, 7–8 декабря 2015 г., г. Александров. Т. 1. Владимир,
 2016. С. 204–224.

¹⁴⁸ Рыжова Е.А. Севернорусская агиография в контексте традиционной народной
 культуры («почему убитые громом — святые») // Локальные традиции в народной
 культуре Русского Севера. Материалы IV Международной конференции «Рябининские
 чтения-2003». Сборник научных докладов / Отв. ред. Т.Г. Иванова. Петрозаводск, 2003.
 С. 368–372.

¹⁴⁹ [Свт. Димитрий Ростовский]. Книга житий святых на три месяцы первая, еже есть
 септемврй, октоврй и новемврй. Киево-Печерская лавра, 1764. Л. 255 об.

Таблица 1
Виды «нужной» и «напрасной» смерти в посланиях глав Русской Церкви и царских жалованных грамотах

Виды смерти	I. «Нужная» смерть					
	1416 или 1417 г.	1598 г.	1619 г.	1623 г.	1661 г.	1695 г.
Окружное послание митрополита Фотия псковскому духовенству ¹	Окружное послание митрополита Фотия псковскому духовенству ¹	Жалованная и несудимая грамота царя Бориса Фёдоровича митрополиту Новгородскому Варлааму ^{II}	Жалованная несудимая грамота патриарха Филарета игумену Спасокудобринскому Преображенского Арзамасского монастыря Понце ^{III}	Жалованная несудимая грамота царя Михаила Фёдоровича чёрному попу Архангельского Двинского монастыря Парфению ^{IV}	1661 г. Окружное послание митрополита Новгородского Макария архимандриту Тихвинскому монастыря Иосифу ^V	1695 г. Окружное послание митрополита Новгородского Евфимия архимандриту Иверского Валдайского монастыря Антонию ^{VI}
Непроизвольное самоубийство	Не отъ своихъ рукъ пойдет.	Кто отъ своихъ рукъ пойдет.		Кто отъ своихъ рукъ утерается	Въ бѣснованіи самъ себя ножемъ зарѣжетъ, или улавится, или въ воду кинется, или опьется, а не своимъ изволомъ	
Несчастный случай		Душегубство безхитростно	Ножемъ зарежетъ	Душегубство безхитростно		
Скоро-постыжная смерть						Которой человекъ умретъ скорой смертию безъ отпа своего духовнаго умреть, и не от чужихъ рукъ
Утопление	Нужно утопеть	Въ водѣ утопеть	Утопелъ не купаючися	Утопелъ	Въ водѣ утопелъ	Утопелъ купаючися, а не играя и не хваляся
Убийство						Отъ чужихъ рукъ умреть

^I АИ. Т. I. СПб., 1841. С. 46. № 22 = Памятники древне-русского канонического права. Ч. I (Памятники XI–XV вв.) // РИБ. Т. 6. СПб., 1880. Стб. 379.

№ 33 = Русский феодальный архив XIV — первой трети XVI века / Сост. А. И. Плигузов. М., 2008. С. 491. № 136.
^{II} ДАН. Т. I. СПб., 1846. С. 252. № 148.

^{III} Амурский (Орнатский), архим. История Росенгской иерархии. Ч. III. М., 1807. С. 269.

^{IV} АИ. Т. III. СПб., 1836. С. 197. № 126.

^V АИ. Т. IV. СПб., 1846. С. 298. № 151.

^{VI} АИ. Т. V. СПб., 1842. С. 450, 451. № 244. II.

^{VII} ПСЗ. Собр. I-е. Т. III: 1689–1699. СПб., 1830. С. 417. № 1612; [Павел (Подлипский), еп.] Описание Костромского Ипатьевского монастыря, в коем конь

Михаил Фёдорович Романов умолен знаменитым посольством Московским на Царство Русское. М., 1832. С. 101–102; Инструкция Старостам Поповским, или Благопочинным смотрителям от Святейшего Патриарха Адриана, данная лета 7207 (1699) Июля в 25 день // ДРВ. Ч. XV. М., 1790. С. 382; Уставная грамота патриарха Адриана, данная архимандриту Троицкого Сергиева монастыря Евфимию / Сообщ. А. Н. Попов // Временник ОИДР. 1851. Кн. II. Смесь. С. 34.

Принесённый водой утопленник	Утопленника водой принесть	Утопленника водой принесть	Утопленника водой принесть	Утопленника водой принесть
Падение с дерева	Кто съ дрова убьётца	Кто съ дрова убьётца	Кто съ дрова убьётца	Съ дрова убьётся
Обморожение	Кто озябнетъ	Кто озябнетъ	Кто озябнетъ	Кто съ дрова убьётца
Насзд воза	Возомъ стерло	Возомъ стерло	Возомъ стерло	Кто озябнетъ
Подкинутый труп	Убитого головою подкинетъ	Убитого головою подкинетъ	Убитого головою подкинетъ	Возомъ стерло
Гибель во время грозы	Кого громомъ убьеть	Кого громомъ убьеть	Кого громомъ убьеть	Кото громомъ убьеть
Съедение зверем	Кого звѣрь съѣсть	Кого звѣрь съѣсть	Кого звѣрь съѣсть	Кото стгорить
Гибель во время пожара	Кто стгорить	Кто стгорить	Кто стгорить	Кото стгорить
Механическая асфиксия	Кто кусомъ подавился	Кто кусомъ подавился	Кто кусомъ подавился	Кото стгорить
Пищевое отравление	Оравною смертію умереть	Оравною смертію умереть	Оравною смертію умереть	Кото стгорить
Иные случаи «направной» смерти	Или иною которою смертію умереть	Или иною которою смертію умереть	Или иною которою смертію умереть	Кото стгорить
2. «Направная» смерть				
Самоубийство	Отъ своихъ рукъ погубится, удавится, или ножемъ изобѣдѣся, или въ воду себе ввержеть	Удавится или за-режется, самъ себя отравитъ, или иное какое дурно надъ собою учинитъ	Удавится или за-режется, самъ себя отравитъ, или иное какое дурно надъ собою учинитъ	Обьётся или зарьжётся <...> или иную какую смерть самъ надъ собою своими руками учинитъ
Гибель во время судебного поединка	Убитый	Убитый	Убитый	Обьётся или зарьжётся <...> или иную какую смерть самъ надъ собою своими руками учинитъ
Алкогольное отравление	Вина опьется	Вина опьется	Вина опьется	Обьётся
Падение с качелей	Съ качелей убьётся	Съ качелей убьётся	Съ качелей убьётся	Вина опьется
Утопление во время купания	Купаючися утонетъ	Купаючися утонетъ	Купаючися утонетъ	Съ качелей убьётся
				Играючи утонетъ
				Купаясь похваляясь и играючи утонетъ

«напрасной» смертью, — «на пустѣ мѣсте в лѣсе <...> одаль церкви»¹⁵⁰. При этом в одном из списков Жития подчёркивалось, что местные крестьяне «тех убьеных громом и молниею гнушаются»¹⁵¹. Прославление этих святых и составление их житий стало важным аргументом в осуждении подобных действий¹⁵².

Одним из слабо используемых источников, дополняющих изучение данной проблемы, являются эпитафии, вырезанные на белокаменных плитах и валунах. Они тесно связаны с местами погребения и поминальной культурой и, в сопоставлении с иными категориями письменных источников, позволяют выявить отношение к умершим разными видами смерти на бытовом уровне.

Случаи «нужной» смерти не могли не отразиться в формуляре старорусских эпитафий. Вопреки мнению Л.А. Беляева, ни канонические правила, ни законодательные акты не определяли судьбу надгробных памятников, не входивших в сферу сакрального. Исследователь подтверждает свою мысль ссылкой на труд В.Г. Певцова, посвящённый, как говорилось выше, каноническому праву синодального периода, но на указанных им страницах говорится лишь о необходимости содержания надгробных памятников «в чистоте и благоустройстве»¹⁵³. Между тем, в указе царя Фёдора Алексеевича необходимости содержания надгробий в надлежащем порядке не уделено ни строчки. Забота о надгробных плитах целиком ложилась на родственников погребённых, но не всегда воспринималась как долговременная обязанность. Лишь памятники агиографии учили правилам поведения у надгробий святых, живописуя наказания, постигшие тех, кто без должного благоговения отнёсся к надгробному памятнику¹⁵⁴.

Методика определения случаев «нужной» смерти в старорусских эпитафиях состоит в выявлении элементов расширения / изменения традиционной формулы, для других типов надписей (в первую очередь — родовых поминальных таблиц и поминальных крестов) — выявлении прямых указаний на «нужную» смерть.

¹⁵⁰ Житие Артемия Веркольского // БЛДР. Т. 16: XVII век. СПб., 2010. С. 455.

¹⁵¹ Дмитриев Л.А. Житийные повести Русского Севера как памятники литературы XIII–XVII вв. Эволюция жанра легендарно-биографических сказаний. Л., 1973. С. 254.

¹⁵² Подробнее см.: Левин И. Двоеверие и народная религия в России / Пер. с англ. А.Л. Топоркова и З.Н. Исидоровой. М., 2004; Панченко А.А. Иван и Яков — необычные святые из болотистой местности. «Крестьянская агиология» и религиозные практики в России. М.: Новое литературное обозрение, 2012

¹⁵³ Певцов В. Г. Лекции по церковному праву... С. 105–106; ср.: Беляев Л.А. Поминать и помнить... С. 5.

¹⁵⁴ См.: Авдеев А.Г. Надгробие как агиографический факт: чудеса у могилы преподобного Максима Грека // Мир Православия. Вып 9 / Сост. Н.Д. Барабанов, О.А. Горбань. Волгоград, 2015. С. 244–255; Он же. Чудо на могиле князя Даниила Московского: от агиографии к устному преданию // Живая старина. Журнал о русском фольклоре и традиционной культуре. 2014. № 1 (81). С. 6–9.

Одним из наиболее спорных случаев смерти в Древней Руси считалось утопление ввиду неоднозначности определения причины / мотива гибели человека. Источники, связанные с регламентацией поминальной практики, показывают, что отношение к утонувшим менялось — от запрета их отпевания (1145 г.) к разрешению погребения, если человек «не отъ своихъ рукъ нужно утонеть», и поминовения наряду с умершими «благой» смертью (1416 или 1418, 1548 г.). В 90-е гг. XVII в. сперва митрополит Новгородский Евфимий, а затем и патриарх Адриан призвали к «дифференцированному» подходу, отделив утонувших в результате несчастного случая и приравняв к самоубийству случаи, когда кто «купаясь похваляся и играя утонеть»¹⁵⁵.

Тем не менее, неясность в различении этих видов смерти, очевидно, отражает эпитафия Петру Фёдорову сыну Бурцова (С1R0149) из пещерного некрополя Псково-Печерского монастыря. Традиционная формула благой кончины «*преставился ракъ бжїи*» расширена здесь за счёт добавления указания на причину смерти: «*и ѹтѡпї*», что явно указывает на стремление составителя эпитафии представить «нужную» смерть как случай «благой» кончины, не препятствующей христианскому погребению.

Тем не менее, в эпитафиях, созданных в конце XVII — первой четверти XVIII в., формула «раб Божий» по отношению к утопленникам не применялась, что, видимо, связано с ужесточением подхода к данному виду «нужной» смерти, хотя препятствий для их захоронения на церковном погосте не было. Так, эпитафия на плите, вставленной в стену псковского храма Воскресения Христова на Стадищи, сообщает: «Лѣта <...> 196 году мая въ 18 день преставися раба Божїя Ксенїя Аѡанасьева дочь и съ ней погребень сынъ ее родной Гурїй Михайловъ сынъ утопшїй печерянинъ»¹⁵⁶. Глагол «*ѹтѡпї*», но без формулы «раб Божий», присутствует также в эпитафии Петру Борисову из московской церкви Космы и Дамиана в Нижних Садовниках († 20 июля 1718 г.). При этом в помещённом в той же эпитафии сообщении о смерти его деда, умершего в тот же день, как и в предыдущем случае, формула «*преставился ракъ бжїи*» присутствует¹⁵⁷. В то же время об отсутствии препятствий к церковному поминовению утопших свидетельствуют родовые синодики — белокаменные плиты или надписи краской с именами храмоздателя и его умерших родственников. Они размещались в алтарной части храма для вечного поминовения. В некоторых из них (как, например, в синодике, датированном 1699 г., из московской церкви Максима Исповедника в Китай-городе) можно видеть имена утонувших.

¹⁵⁵ АИ. Т. V. СПб., 1842. С. 451. № 244. II; ПСЗ. Собр. 1-е. Т. III: 1689–1699. СПб., 1830. С. 417. № 1612; Инструкция Старостам Поповским... С. 382; Уставная грамота патриарха Адриана... С. 34.

¹⁵⁶ Лебедев А.Е., *свящ.* Историко-статистический очерк Псковоградской Варлаамовской церкви. Псков, 1895. С. 18. Утрачено.

¹⁵⁷ Беркович В.А., Егоров К.А. Московское белокаменное надгробие. Каталог. М., 2017. С. 494–496. № КДС–9.

Своеобразную агиографическую «загадку» в этом плане даёт Житие Кирилла Вельского: праведник «утонуль в водѣ», и его «честно тѣло» «со псалми и пѣсньми духовными» было погребено на сельском кладбище. Впоследствии его гроб был вымыт из земли, а нетление останков и случившиеся у них исцеления убедили окружающих в праведности Кирилла. Однако описание его смерти в Житии равно подходит как под самоубийство, так и под смерть праведника. Доведённый до отчаяния неким новгородским наместником, прав. Кирилл побежал топиться в реке «и вълѣзе в воду, и раступись от него вода сажени по три на всѣ стороны». Обидчик стал молить о прощении, на что праведник ответил «Бог простит и помилует» и, перекрестившись, «преклонився ниць и абие утопе в водѣ»¹⁵⁸.

Что же касается одного из видов «нужной» кончины — убийства «отъ чюжихъ рукъ», то эпиграфические памятники Московской Руси сообщают о двух видах такой смерти — собственно убийстве и гибели от рук бунтовщиков и разбойников.

Таблица 2

Формуляр эпитафий людям, погибшим от рук убийц

<i>Дата</i>	<i>Имя погибшего</i>	<i>Формуляр эпитафии</i>	<i>Местонахождение надгробия</i>
1564 г., 15 сентября	Илья Андреевич Селивнов	4 ѿбѣи {б} ѿсѣтъ <...> 5 ѿ 6 рѣбои {н} къ	Псково-Печерский монастырь, пещерный некрополь (СІR0173)
1603 г., 2 декабря	Боярин Степан Иванов сын Ртищев	2 ѿкнѣ 3 късѣтъ	Тверская обл., Кашинский р-н, с. Уни- цы (СІR0861)
1606 г., 20 декабря	Князь Илья Семёнович Щетинин- Ярославский	преставися рабъ Божій убиенный	Рязань. Ольгов монастырь 159
1608 г., 1 апреля	Афанасий Фёдоров сын Борков	убиенъ отъ разбойниковъ рабъ Божій	С. Борково (совр. Кир- жачский р-н Владимирской обл., ныне не существует), храм Иоанна Бого- слова ¹⁶⁰

¹⁵⁸ Рыжова Е. А. Сказание о явлении и чудесах праведного Кирилла Вельского: история текста памятника и почитание святого // Русская агиография. Исследования. Материалы. Публикации. Вып. III / Отв. ред. Т.Р. Руди, С.А. Семячко. СПб., 2017. С. 393–394.

¹⁵⁹ Калайдович К. Письма к Алексею Федоровичу Малиновскому об археологических исследованиях в Рязанской губернии с рисунками найденных там в 1822 году древностей. М., 1823. С. 34. Утрачено.

¹⁶⁰ Добронравов В. Г. Историко-статистическое описание церквей и приходов Владимирской епархии. Вып. 2: Переславский и Александровский уезды. Владимир, 1895. С. 352.

1609 г., 14 марта	Князь Иван Иванович Ярославский	убиень	Рязань. Ольгов мо- настырь ¹⁶¹
1619 г., 11 июля	Сергей Иванович Милославский	убиень бысть въ Королевскій приходь подь Москву	С. Подолец, Владимир- ская обл., Юрьевский р-н., церковь Троицы ¹⁶²
1627 г., 5 июля	Игнатий Иванович Елагин	3 ѹкигг рѣ 4 [к]жнн <...> 5 л̄ положѣ в сен пещере рѣбѣ д. сврлалл в тѣ	Псково-Печерский монастырь, пещерный некрополь (С1R0275)
1663 г., 25 июня	Отрок Иван Чеполосов	убиень оть работника своего, изь резанъ ножемъ 24 раны. Здѣ и погребень	Углич, церковь Рожде- ства Иоанна Предтечи на Волге ¹⁶³
1671 г., 11 мая	Князь Семён Иванович Львов	замучень бысть въ Астраханѣ <...> оть богопротивнаго и злочестиваго богоотпадца православныя вѣры, оть вора и разбойника, душегубца и измѣнника Стеньки Разина съ товарищи	Ярославль, Спасо-Пре- ображенский мона- стырь ¹⁶⁴
Последняя четверть XVII в.	Фрол, зовомый Иван Акимов сын Есипов	уби[ен] р[а] [к] вѣжнн	Москва, церковь Зача- тия Иоанна Предтечи на Ленивом Торжке ¹⁶⁵
1682 г., 15 мая	Стольник Фёдор Петрович Салтыков	убить <...> въ смятеніе на Москвѣ безвинно при державѣ великихъ государей, царей и великихъ князей Иоанна Алексѣевича и Петра Алескѣевича, всея Великія и Ма- лыя и Бѣлыя Россіи самодержцевъ въ началѣ царства ихъ; а убиень въ ихъ царскихъ чертогахъ, въ мастер- скихъ сѣняхъ	Кострома, Богояв- ленско-Анастасин монастырь ¹⁶⁶
1682 г., 15 мая	Ближний боярин Артамон Сергеевич Матвеев	2 волею Всемогу Зщаго і Всесилнѣйшаго црѣа црѣм Бгѣа в смутное время 4 от воров і бунтовщиков убиен бысть раб Бжии штилѣтный 5 страдалец скончавса мѣнически <...> 9 вѣнцем страдания	Москва, родовая палатка Артамоновых у церкви Николаы на Столпах ¹⁶⁷

¹⁶¹ Калайдович К. Письма к Алексею Федоровичу Малиновскому... С. 34. Утрачено.

¹⁶² Надписи с Русских древних памятников до конца XVII века // Владимирский сборник. Материалы для статистики, этнографии, истории и археологии Владимирской губернии / Сост. и изд. К. Тихомиров. М., 1857. С. 45; ср.: Добронравов В.Г. Историко-статистическое описание... С. 448.

¹⁶³ РГБ ОР. Ф. 256 (собрание Н. П. Румянцева). Карт. № 117. Ед. хр. 27. Л. 186.

¹⁶⁴ Владимир, иером. Ярославский Спасо-Преображенский монастырь, что ныне архиерейский дом. Ярославль, 1913. С. 88. Утрачено.

¹⁶⁵ Беркович В.А., Егоров К.А. Московское белокаменное надгробие... С. 128–129. № ИП–3.

¹⁶⁶ РГПН–1. М., 1914. С. 768. Утрачено.

¹⁶⁷ Клейн В.К. Надписи на гробницах в церкви Николаы на Столпах. М., 1905. С. 6–7. № 26. Хранится в Московском Донском монастыре.

1691 г.	Отрок Фёдор Гаврилов сын [...]	¹² ѹбнѣ[н] ^{рѣ} бѣжнн	Москва, храм Харитона Исповедника в Огородниках ¹⁶⁸
1702 г., 29 мая	Полковник Феодосий Юрьевич Кавин	убиенъ рабъ Божій <...> въ Тверскомъ уездѣ за рѣкою Волгою подь селомъ Владомымъ отъ разбойниковъ, будучи по сыску и поимкѣ воровъ, и погребенъ на семь мѣстѣ	Москва, церковь Введения при бывш. Новинском монастыре ¹⁶⁹
1709 г., 5 мая	Симеон Тимофеевич Струнников	убиенъ	Кашин. Церковь Флора и Лавра в Лягушкиной слободе (СІR4041)

Приведённые в табл. 2 примеры показывают неоднозначное отношение к смерти от руки убийц. Замена формулы «преставися раб Божий» на «убиен раб Божий», с одной стороны, говорит о её восприятии как частного случая «благой» кончины. Наиболее ярко это представлено в эпитафии Петру Фёдорову сыну Бурцова, в которой объединены обе формулы: «преставися рабъ Божій убиенный». С другой стороны, формула «убиен» при отсутствии в ряде случаев фразы «раб Божий», видимо, свидетельствует об определённых сомнениях в благости подобной кончины. В этом отношении интересна белокаменная плита-вставка из московской церкви Трёх Святителей на Кулишках с эпитафией (1661), где благая кончина отца («¹ пресгавн² сѣ рѣ бѣжнн») противопоставляется насильственной смерти сына («³ ѹбнѣ рѣ ⁴ божнн») (СІR0650), однако в обоих случаях формула «раб Божий» сохраняется.

По-видимому, в этом отношении паства иногда оказывалась «бдительнее» пастырей. Так, Якоб Рейтенфельс отметил случаи отказа в погребении, «если случайно кто-либо будет убит, не имея креста на шее»¹⁷⁰, что отличалось бóльшим радикализмом по отношению к обстоятельствам смерти.

При этом местонахождение надгробий убиенных в монастырских и церковных некрополях свидетельствует, что смерть от руки убийц не препятствовала их христианскому погребению.

Из некрополя московской церкви Всех Святых на Кулишках происходит сильно фрагментированное надгробие первой половины XVII в. с эпитафией, в которой упоминаются сгоревшие в пожаре, чей пепел был захоронен в едином гробе на приходском некрополе¹⁷¹, что является материальным подтверждением данного случая «нужной» смерти.

¹⁶⁸ Беркович В.А., Егоров К.А. Московское белокаменное надгробие... С. 369. № ХІО–7.

¹⁶⁹ Мартынов А.А. Каменная летопись Москвы // Русский архив. 1895. Кн. 2. С. 235. Утрачено.

¹⁷⁰ Рейтенфельс Я. Сказания светлейшему герцогу Тосканскому Козьме Третьему о Московии: Падуя, 1680 г.: Изданием книгопродавца Петра Мария Трамботти: С разрешения старших / Пер. с лат. А. Станкевича. М., 1905. С. 179.

¹⁷¹ Шокарев С.Ю. Некрополь XVI–XVII веков в избранных надписях. Плиты из коллекции Музея истории г. Москвы // РСН–1. М., 2006. С. 129. № 12. К сожалению, публикация эпитафии не сопровождается фотографией надгробной плиты, что не позволяет проверить правильность восстановления надписи.

Из таблицы 2 видно, что с 60-х гг. XVII в. в эпитафиях лицам, погибшим насильственной смертью, распространяется новый мотив — мученической смерти от рук «воров», а в начале следующего столетия — при исполнении служебного долга. Более того, убийство шестилетнего угличанина Ивана Чеполосова послужило поводом для его посмертного почитания старообрядцами¹⁷².

Другим типом памятников, связанным с насильственной смертью, являются белокаменные кресты, в XVI–XVII вв. устанавливавшиеся по обочинам дорог или в лесу, на местах, где произошло убийство. Структура формуляра в вырезанных на них надписях аналогична формулярам на приведённых выше эпитафиях.

Таблица 3

Поминальные кресты XVI–XVII вв.

Дата	Имя погибшего	Обстоятельства смерти	Местонахождение креста
1521 г., 29 июля	Тимофей Шемяка Григорьев сын	убиень бысть рабъ Божій от татар	На правой стороне Борисоглебской дороги на меже с. Новое Рождественно ¹⁷³
1578 (?) г., 14 января	Строка сильно повреждена, имя не читается	3 үкн[т] ѿ ꙗконникѡ рѣ вѣн[н]	С. Резанцы, Московская обл., Сергиево-Посадский р-н ¹⁷⁴
1623 г., 19 октября	Григорий Иванов сын Груздев	убиень бысть рабъ Божій	В 4 верстах от Шуи по дороге в Палех ¹⁷⁵
1686 г., 1 марта	Стряпчий Семион Мокеевич Пустошкин	3 үкнѣ ѿ ꙗконникѡ 4 рѣ вѣнн	Лес близ с. Виноградово Московский уезд Московской губ. ¹⁷⁶
1693 г., 9 ноября	Зиновий?	4 үкѣ 5 рабъ · вѣн	Урочище Полчиха, лес в 4 км к северо-западу от дер. Ситня- Полчиха (Московская обл., Ступинский р-н) ¹⁷⁷
1693 г., 6 декабря	Крестьяне Филипп и др., работавшие на пустоши Овсяники	3 оуеннн 4 рабъ вѣнн	Ельник в урочище Абис близ дер. Благовещенское Сергиево- Посадского р-на Московской обл. ¹⁷⁸

¹⁷² Житие и страдание святого и праведного Иоанна убиенного Углецкого. Рыбинск, 2011. С. 35, 36.

¹⁷³ АГР. Т. II. Киев, 1863. Стб. 542–543. № 154. Памятник хранится в фондах Московского государственного объединённого художественного, историко-архитектурного и природно-ландшафтного музея-заповедника «Коломенское–Измайлово–Лефортово–Люблино» и научной публикации не имеет.

¹⁷⁴ Николаева Т.В. К изучению некрополя Троице-Сергиевой лавры // СЗГИХМЗ. 1960. Вып. 3. С. 190; табл. 91б. Восстановление текста по опубликованной фотографии моё. — А. А.

¹⁷⁵ С. А. Древний каменный крест (близ г. Шуи) // Владимирские губернские ведомости. 1846. № 34. Часть неоф. С. 156; ср.: Надписи с Русских древних памятников ... С. 44 (с фамилией «Гвоздев»). Утрачен.

¹⁷⁶ Яганов А.В. По поводу происхождения памятного креста... С. 366.

¹⁷⁷ Золотов Ю.М. Каменный крест... С. 299.

¹⁷⁸ Николаева Т.В. К изучению некрополя... С. 189; табл. 91а.

Об одном из ранних случаев установки такого креста на месте гибели в 1213 г. Клима Христиновича, дружинника Даниила Галицкого, сообщает Ипатьевская летопись¹⁷⁹. С этим памятником И.А. Шляпкин связывает каменный крест у с. Зимино близ Владимира Волынского: его раскопки выявили там останки мужчины, череп которого был повреждён ударом копья или чекана¹⁸⁰. О существовании традиции установки поминальных на Русском Севере, видимо, сообщает Устюжский летописец, где под 7000/1492 г. говорится, что на месте обнаружения тела Прокопия Устюжского († 1303) «поставлена часовня и образ Успение праведнаго и крест изваян из белово камени, распятие Господа нашего Иисуса Христа в вечное воспоминание»¹⁸¹.

Ю.М. Золотов видел в подобных крестах пережиток языческих (!) верований, связанных с «заложными» покойниками, лишёнными погребения на кладбище¹⁸². Т.В. Левина, напротив, сближает поминальные кресты с кенотафами, поставленными в напоминание о месте гибели людей, чьи тела были погребены на церковном некрополе. Целью их установки, помимо эмоциональных мотивов, по мнению исследовательницы, была потребность «очистить и оградить место пролитой крови»¹⁸³. Некорректность данной точки зрения очевидна: очистительные обряды на местах убийств, скорее, характерны для культов античной эпохи. «Кенотафную» теорию развивают А.В. Алексеев и С.В. Кузьменко¹⁸⁴. Однако обязательное для данных памятников изображение Голгофского креста указывает не только на христианский характер кончины, но и может рассматриваться как символ мученической смерти с пролитием христианской крови¹⁸⁵. Более соответствует источникам точка зрения А. В. Яганова, который полагает, что поминальные кресты устанавливались на местах гибели лиц, не принесших перед смертью покаяния¹⁸⁶. Так, единственным ограничением для христианского поминовения и погребения в случаях «нужной» смерти патриарх Адриан считал условие, что человек не исповедовался в течение года до гибели. Позиция главы Русской Церкви не противоречила чину погребения: свободным от грехов считался только человек, умерший без исповеди и покаяния в Светлую седмицу:

¹⁷⁹ Ипатьевская летопись // ПСРЛ. Т. II. М., 1998. Стб. 732.

¹⁸⁰ Шляпкин И.А. Древние русские кресты. 1. Кресты новгородские, до XV в., неподвижные и нецерковной службы. СПб., 1906. С. 9.

¹⁸¹ Устюжский летописец // ПСРЛ. Т. 37. М., 1982. С. 108. О данном кресте см.: *Святославский А.В., Трошин А.А.* Крест в русской культуре... С. 146–147; ср.: *Власов А.Н.* Житийные повести... С. 42.

¹⁸² Золотов Ю.М. Каменный крест... С. 335.

¹⁸³ Левина Т.В. Белокаменное надгробие... С. 181.

¹⁸⁴ Алексеев А.В., Кузьменко С.В. Московские средневековые каменные кресты с геометрическим декором. М., 2020. С. 102–111.

¹⁸⁵ Подробнее см.: *Авдеев А.Г.* К вопросу об иерусалимской символике древнерусских погребальных памятников // ВЭ. Вып. I. М., 2006. С. 202–215.

¹⁸⁶ Яганов А.В. По поводу происхождения... С. 362.

«ѡце ѡ не оу доелкотворѣлъ сътъ ѡ своѣхъ согрѣшѣнїихъ , молѣтвами црковными ѡставлѣется ѣмѣ . ѡ ѡудержанїа свободнѣца»¹⁸⁷.

Тела убиенных могли находить последний покой на христианском кладбище, чему насильственная смерть никак не препятствовала, о чём свидетельствуют три надгробных креста конца XVI — первой трети XVII в. Из сообщения Г.-Ф. Миллера известно о деревянном кресте, поставленном в 1633/34 г. в Удинском остроге, с именами красноярских служилых людей, которые, как полагал историк, погибли при объясачивании местных бурят¹⁸⁸. Возможно, надпись на нём была оформлена как именной синодик-помянник, что видно на примере деревянного поминального креста, установленного в часовне при Спасо-Преображенском соборе г. Соликамска над братской могилой казаков, погибших в 1591 г. во время набега татар: «Помяни, Господи, души избивенных рабов Твоих: [далее следует перечень имён]»¹⁸⁹. Третий крест, датируемый 1619 г., является надгробным и происходит из некрополя Переславского Никитского монастыря. Вырезанная на нём эпитафия указывает, что покоящийся под ним раб Божий Иван Алексеевич Ленов (?) был «убиен»¹⁹⁰.

На закате Киевской Руси гибель в бою воспринималась как смерть внезапная, но обыденная. «Внезапу бо человекъ погыбаеть <...> Дивно ли, оже мужь умерль в полку ти? — писал Владимир Мономах в Поучении. — Лѣпше суть измерли и роди наши»¹⁹¹. Отношение к смерти вообще князь укладывал в нехитрую формулу: «А мы что есмы, человекѣи грѣшни и лиси? — днесь живи, а утро мертви, днесь в славѣ и в чти, а заутра в гробѣ и бес памяти»¹⁹². Термин «память», употреблённый в Поучении, вероятнее всего следует понимать как «поминование»¹⁹³.

Завершение формирования поминальной культуры в Московской Руси совпало с появлением служилого сословия, для которого восприятие гибели в бою коренным образом изменилось. «Почву» для этого подготовило Соборное решение 1548 г. о введении общей памяти умершим, закрепив поминование погибших «от иноплеменных на бранех и на всех побоищах избивенных»¹⁹⁴. Несколько

¹⁸⁷ Требник. М.: Печатный двор, 12.1688. Л. 180 (Зёрнова. 417).

¹⁸⁸ Миллер Г.-Ф. История Сибири. Т. III / Изд. подг. С.И. Вайнштейн, Е.П. Батянова. М., 2005. С. 102–103.

¹⁸⁹ Материалы к «Русскому провинциальному некрополю» великого князя Николая Михайловича (по документам РГИА). Вып. 1: Екатеринбургская, Оренбургская и Пермская епархии / Публ. Д.Н. Шилова. СПб., 2003. С. 72. Прим. 2.

¹⁹⁰ Левицкая Н.В., Сукина Н.Б. Крест XVII в. из Никитского монастыря на Плещеевом озере // Археологические памятники Волго-Клязьминского междуречья. Вып. 4. Иваново, 1990. С. 43–44.

¹⁹¹ Поучение Владимира Мономаха // БЛДР. Т. 1: XI–XII века. СПб., 1997. С. 462, 474.

¹⁹² Там же. С. 472.

¹⁹³ СлДРЯ XI–XIV вв. Т. VI. М., 2000. С. 348. s.v. память. 4.

¹⁹⁴ Дергачёва И.В. Посмертная судьба... С. 159–160.

раньше «избыточные» сведения о причинах смерти служилых людей появляются в писцовых книгах. Так, в писцовых книгах Бежецкой пятины 1544/45 и 1550/51 гг. можно встретить такие сведения об обстоятельствах кончины землевладельцев: «въ животѣ не стало лѣта 7052 у собя въ помѣстии», «в животе не стало на цареve государеве службѣ въ Переславле въ Рязанскомъ лѣта 7058», «в животе не стало на цареve государеве службѣ въ Володимере лѣта 7057»¹⁹⁵. Начиная с Казанского похода (1551), по инициативе государства в синодики стали систематически включаться списки павших на поле брани¹⁹⁶. Для эпитафий служилым людям переломным событием стала Ливонская война. В её разгар в них появляются первые формулы, указывающие на гибель на *государевой службѣ* как одну из важнейших воинских ценностей.

По мнению Л.А. Беляева, появление таких эпитафий продиктовано стремлением показать, будто смерть не была «напрасной» и не является препятствием к христианскому погребению, а также эмоциональными мотивами¹⁹⁷. Выводы исследователя не избежали некоторой модернизации: исповедь и причастие перед боем в Древней Руси были необходимым элементом подготовки воина к сражению¹⁹⁸. Сражение начиналось с общей и индивидуальной молитвы, а гибель во время битвы рассматривалась как вид достойной христианина мученической кончины. Вот почему Алексей Михайлович писал: воины, «бѣдныя и маломощныя сироты, по своему обѣщанію <...> за Христа и за святаго Его церкви и за насъ, великаго государя, страждущія въ правду, не жалѣя живота своего, на боѣхъ и на приступѣхъ тѣломъ своимъ обагрятъ до крови и не точію во крови, но и до самыя смерти понуждаютъ себя страдати и стражуть, не что иное помышляючи, точію въ покаяніи за Христа и за насъ, великаго государя, умрети, и таковыхъ бо есть души сіяють, яко солнце»¹⁹⁹.

Источники XV–XVI вв., как и поздняя народная традиция²⁰⁰, считают погибших «мечем <...> и ранами, и бранми» умершими «напрасной» смертью, но в

¹⁹⁵ Новгородские писцовые книги, изданные Археографическою комиссіею. Т. VI: Книги Бежецкой Пятины. I. 1501 г. — II. 1551 г. — III. 1564 г. СПб., 1910. Стб. 57, 340, 344–347, 597, 599, 601.

¹⁹⁶ Николаева С.В. Поминания воинов, жертв военных действий и репрессий как отражение социальной функции монастырей (на примере синодиков Троице-Сергиева монастыря) // Софійські читання. Матеріали VI Міжнародної науково-практичної конференції «Християнські святині — скрижалі Вічності, Мудрості й Краси: нові грані пізнання» (м. Київ, 26–27 травня 2011 р.). Київ, 2013. С. 118–119.

¹⁹⁷ Беляев Л.А. Русское средневековое надгробие... С. 255.

¹⁹⁸ См.: Афанасьева И.А. Поминовение умерших...

¹⁹⁹ [Письмо Алексея Михайловича воеводе князю И. И. Лобанову-Ростовскому] // ЗОРСА. 1862. Т. 2. С. 745.

²⁰⁰ Логинов К.К. Традиционный жизненный цикл русских Водлозерья: обряды, обычаи и конфликты. М.; Петрозаводск, 2010. С. 350.

случаях, не связанных с несением воинской службы²⁰¹. Гибель в бою ассоциировалась с «нужной», реже «злой» смертью, ибо человек «без всякаго исправления христианскаго погиге» от рук иноверцев и иноплеменников²⁰². Это отражено в эпитафиях служилым людям, павшим на полях Ливонской войны и похороненным в Псково-Печерском монастыре. Самые ранние из плит датируются 1558–1559 гг. и содержат формулу, акцентирующую внимание на том, что человек «убиен бысть на рати» (СІR0207), или пал в сражении от рук иноверцев — «убиен от немец» (СІR0258, СІR0260) или «от магистра Лигоньского» (СІR0222, СІR0244). Один из наиболее ранних образцов формулы «убиень бысть на государевой службѣ» даёт эпитафия А.Т. Борисова из с. Борисоглебского близ Мурома († 2 июля 1564 г.)²⁰³. В плитах Псково-Печерского монастыря эта формула появляется позже, в середине XVII в. (СІR0190). Иной пример даёт эпитафия князю Фёдору Ивановичу Троекурову, умершему от ран после взятия Азова (1695) и погребённому в Спасо-Ярославском монастыре. В ней подчёркнуто, что он «болѣзняя въ полкахъ отъ раны тоя во благочестіи христианскомъ и совершениі церковныхъ таинствъ <...> сконча жизнь свою и отыде ко Господу»²⁰⁴.

Приведённые примеры свидетельствуют, что эпитафии с указанием на гибель на государственной службе отражают перемены в менталитете служилого сословия, начавшиеся в правление Ивана Грозного. А.Е. Мусин связывает это с опричной «антикультурой»²⁰⁵. Эпиграфические памятники этого времени показывают, что в основу данной смены легла идея службы государю. В современной отечественной историографии сложилось мнение, основанное на анализе традиционных источников второй половины XV–XVII вв., что служилые люди, как православные христиане, считали себя рабами Божьими и, по аналогии, холопами земного государя — помазанника Божьего²⁰⁶. Эпитафии служилым людям, погибшим на полях сражений, наряду с формулой «раб Божий» дополненные новым информационным полем — убиен на государственной службе, — являются независимым доказательством существования данной традиции и отражают одну из базовых ценностей

²⁰¹ Алексеев А.И. Духовная культура... С. 135–154.

²⁰² Власов А.Н. Житийные повести... С. 54–55.

²⁰³ См.: РПН–1. М., 1914. С. 96. Надгробие сохранилось, но научной публикации не имеет. Судя по палеографии и месту нанесения эпитафии на торцевую сторону плиты, намогильный памятник был выполнен заново во второй половине XVII в.

²⁰⁴ Об эпитафии см.: Авдеев А.Г. К истории старорусской эпитафии: Надгробие князя Фёдора Ивановича Троекурова // XIII Тихомировские краеведческие чтения. К 150-летию со дня рождения Илариона Александровича Тихомирова: Материалы научной конференции, Ярославль, 21–22 октября 2011 г. Ярославль, 2012. С. 209–222.

²⁰⁵ Мусин А.Е. *Milites Christi* Древней Руси. Воинская культура русского Средневековья в контексте религиозного менталитета. СПб., 2005. С. 328–332.

²⁰⁶ Юрганов А.Л. Категории... С. 264–266; Лукин П.В. Народные представления о государственной власти в России XVII века. М., 2000. С. 30; Курбатов О.А. Военные реформы в России второй половины XVII века. Конница. М., 2017. С. 53.

служилого сословия, которая возникла в результате военной реформы Ивана Грозного, выделившей службу «по отечеству», и была подкреплена установлением общей памяти умершим и регулярным синодичным поминовением павших.

Неоднозначность в восприятии формулы «убиен бысть на государевой службе» демонстрирует Смутное время. Факт гибели служилых людей во время боевых действий в эпитафиях этой эпохи сопровождался формулой «убиен бысть», но информативная единица «на государевой службе» часто отсутствовала, а формула «раб Божий» нередко опускалась. В качестве примера можно привести надписи на надгробиях служилого человека по Новгороду В.В. Оболянинова, павшего в битве на реке Вырке (С1R0128, Псково-Печерский монастырь), служилого человека по Воротынску М.Ф. Капустина, убитого в сражении на реке Вороньей (С1R0635, Спасо-Воротынский монастырь) и князя С. А. Татева, погибшего при осаде Тулы²⁰⁷. Информативной единицы «раб Божий» нет и в эпитафии князю Ю.Ю. Мещерскому, убитому в феврале 1607 г. при осаде Калуги, но, в отличие от указанных выше эпиграфических памятников формула «³ убѣ [бысть] на ⁴ г.дрѣве смѣе» присутствует²⁰⁸.

В последней четверти XVII в. формуляр эпитафий представителей княжеских и боярских родов, убитых во время боевых действий, расширяется за счёт включения в формуляр подробностей об обстоятельствах гибели на поле брани. Так, например, в эпитафии окольному Ивану Ивановичу Ржевскому, павшему во время осады турками Чигирина 3 августа 1677 г. и похороненному в Преображенской церкви г. Болхова, подробно рассказывается, как воевода «на службе Великаго Государя Царя и Великаго Князя Феодора Алексеевича Всея Великия и Малыя и Белыя России Самодержца в Малороссийском городе Чигирине <...> в нашествии и obleжании в осаде от безбожных Турецкаго султана людей от визирия и от пашей, от иных многих земель, которыя в том obleжании стояли, сидел в осаде со многими государскими ратными людьми четыре недели и убиен он раб Божий <...> гранатною стрельбою». В заключительной части эпитафии отмечается, что гибель И. И. Ржевского предопределила падение города: «а по убиении его, околничего и воеводы, [сентября] в {5} день город Чигирин от турских людей взят»²⁰⁹.

Одним из важнейших достижений историографии западноевропейского Средневековья в XX в. стало открытие культуры «безмолвствующего меньшинства», где были выработаны свои представления о пространстве и времени, о душе, грехе и искуплении, о загробном существовании, не всегда гармонизировавшие с воззрения-

²⁰⁷ Гириберг В.Б. Материалы для свода надписей на каменных плитах Москвы и Подмосковья. Ч. II. Надписи первой половины XVII в. // НЭ. 1962. Т. III. С. 224. № 154.

²⁰⁸ Там же. С. 222. № 149.

²⁰⁹ Русский провинциальный некрополь. Картотека Н.П. Чулкова из собрания Государственного Литературного музея // Река времён. Кн. IV. М., 1996. С. 378. Об обстоятельствах гибели И.И. Ржевского см.: Гордон П. Дневник 1677–1678 / Пер. с англ., статья и прим. Д.Г. Федосова. М., 2005. С. 70.

ми интеллектуалов-богословов, но и не являвшиеся непобеждённым язычеством²¹⁰. Очевидно, и в Древней Руси бесполезно искать «языческий след» в восприятии умерших «нужной» и «напрасной» смертью, поскольку действия мирян по отношению к их трупам, пусть даже и в самых маргинализованных формах, — выкапывании останков самоубийц или попытках сокрытия неопознанных трупов с неоднозначными признаками кончины, — не выходили за рамки правил, установленных Церковью по отношению к телам людей, умерших разными видами «напрасной» смерти. Проанализированные источники позволяют считать восприятие «заложных» покойников рудиментом языческого поверья историографическим фантомом, вряд ли имевшим повсеместное распространение в Московской Руси в XVI–XVII вв. Проанализированные надписи на фоне сложившихся в Русской Церкви канонических норм, регулирующих погребение и поминовение, скорее, свидетельствуют о его постепенном вытеснении на периферию народного сознания.

* * *

Таким образом, проанализированные источники показывают, что некрополи Московской Руси, являющиеся составной частью городской и сельской среды, канонически и юридически бытовали как пространство «благой» смерти, где находили последний приют умершие от естественных причин (старости, болезни и т.п.), а также погибшие в результате несчастных случаев. Распространение подписных надгробий придало некрополям качественные отличия от кладбищ предшествующих веков с безымянными могилами князей и церковных иерархов, о чьей кончине и местах захоронения сообщали летописи, и рядовых мирян, память о которых хранили поминальные граффити на стенах храмов. Эпитафии создали принципиально новый вид сакрализованной графосферы, которую поддерживали неотделимые друг от друга канонические и юридические нормы²¹¹. Смыслообразующим центром некрополя был храм, место, где в литургическом и заупокойном богослужении соединялись все живые и умершие члены Церкви, а сам некрополь, лежавший внутри монастырских стен или внутри ограды городской или сельской церкви, аккумулировал и актуализировал мемориальное пространство, неразрывно связанное с поминальной культурой и молитвенной памятью. Графосфера кладбища, созданная унифицированными по форме и декоративному оформлению надгробными плитами с эпитафиями, составленными по единому формуляру, стирала грань между безличным и личным, безмолвным

²¹⁰ Гуревич А.Я. Индивид и социум на средневековом Западе. СПб., 2009. С. 349–350.

²¹¹ Ср.: Франклин С. Рост графосферы в публичном пространстве (ок. 1450 — 1850-е гг.) // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. 2016. Т. 9. С. 241–242; Franklin S. Information in Plan Sight: the Formation of the Public Graphosphere // Information and the Empire. Mechanisms of Communications in the Russia, 1600–1750 / S. Franklin, K. Bowers (eds.). Cambr., 2017. P. 341–367.

и звучащим, сосуществуя как диалоговая коммуникация в единстве реального и литургического времени и увековечивала имена равных в благой кончине «рабов Божиих». Графосфера некрополя сочетала индивидуальную память в вырезанных в эпитафиях именах и датах смерти, и коллективную, закреплённую родовыми и семейными участками погребений, что в целом организовывало графосферу живой памяти. Изолированной от православных кладбищ зоной были инославные и иноверческих некрополи, чья графосфера была иной по языку и структуре эпитафий.

Вне пределов графосферы находилось безымянное пространство «нужной» смерти — общие могилы-скудельницы или Божьи дома, изредка отмечавшиеся крестами. Погребение же и поминовение погребённых там людей «без роду и племени» считалось одной из христианских добродетелей, закреплённых в летописях и памятниках агиографии. Время от времени степень сакрализации скудельниц как мест коллективного захоронения умерших «благой» и «нужной» смертью снижалась за счёт разрешения духовных и светских властей хоронить здесь тела казнённых преступников и умерших «напрасной» смертью.

В безмолвную «зону забвения» попадали «пустые места», находившиеся за пределами жилого / освоенного человеком (геср. освящённого) пространства. Здесь в «ямах» зарывали тела умерших «напрасной» смертью. Внешних признаков эти захоронения не имели (в лучшем случае они были «отыняеми колёмъ»²¹²), так как самоубийцы, став добровольной жертвой, «но не Богу», не были достойны христианского захоронения и поминовения.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Из Келейного обиходника Иосифо-Волоколамского монастыря

(Л. 99 об.) ѿсѣтъ и дрѹгнѣ мнѣтъ вѣ длѣе два попрѣца ѿ великѣ мнѣтъ в немѣ же етъ хрѣ прѣтъе бѣа чѣна и славно ея введење . а погѣвленне . препѣокнѣ стѣца . нѣснѣа гла нѣцы яко ѿчина баше рѣтелн его . н тамо нгѹмѣ . н (Л. 100) брѣя . прѣ было . вѣ . нн ѹ по бѣше на нѣ кожнѣ гнѣво . велице морѣ . н по все вселенѣ пл же роснѣа хрѣтъяскѣ црѣтъвѣя . во все грдѣе ико мѣ бѣн . яко нѣное ѿрѣже сеѣдѣе¹ . грѣ рѣ нашѣ погѣляна нѣ . прѣде яко ѿ много чѣ лнѣн . малы чнѣо гвнѣнѣ . н ѿ тысѣцн дѣя н мало бошѣ . н в великѣ ѿвнѣтеле брѣнѣ есло кѣно н мало ѿстѣнѣ . чѣ н в се спнѣнове² монашѣрн еднѣмоу нлн двѣ . ѿстѣнѣ н не чѣдо . понѣ н в наше боше мнѣтырн³ (Л. 100 об.) тогда⁴ во трн лѣчѣ . т . брѣто к егѣ бѣдоша . і ѿ се бѣнѣ наказаннѣ млѣннѣ нѣдѣ рече ннѣ ѿ спнѣнове⁵ мнѣтрн вкѣрѣцѣ рече Понѣ он гдѣ писанѣо ѿ не како црѣквн бѣнн . н слѣтелн ея . вѣпрѣ стѣотѣнѣ . н препнѣтаннѣм . н се рѣ блѣгорѣсѣднѣ ѿць нѣ блѣгомѣрѣнѣ начѣннѣ . по еѣше нашемоу спѣсннѣ . препѣокнѣ ѿць нѣснѣ . і тамо чѣтрѣнѣ . нечѣ не црѣквн бѣнѣ стѣотѣнѣ но блѣ молнѣнѣ ѿ здравнѣнѣ н ѿ спннѣ всего мнѣра н ѿ бѣшнѣнѣ дѣша

²¹² [Максим Грек] Инока Максима Грека послание... С. 139.

ниже в благоугоднѣ скоубашнѣ (Л. 101) сна . и повелѣ ѿ бошаго⁶ монастыря двабгн порѣбная . сирѣчь ѿро . хлѣбъ ро н яме н со н ѡенане н прочая вса по грамотѣ . по уканон . прѣ бывши . игумено н соконы старцо . а ѿ мнскн людѣ кон приходя к то стѣ цркви н приношенне . днакое приносѣ невокраю . приимат н дхонѣ к нему прихонте н само- му томд игумену ѿ дхонѣ дѣлаѣ в волочѣ⁸ те днги . а в монасты по калмо в трапезу прихонти : Оу того мнтра ели ѿ цркви постале ес (Л. 101 об.) млтвены хрѣ . в не ископана ѣ глукочая⁹ могла н нарицаю домъ бжн¹⁰ . в не же полагаю по елгословенню . наоточеля . боше . монастыря н соконы старцо прѣгавльшнся ра свои все правобавны кртѣя . н нѣными всякими смртгями скоубашнся . ѿ глуда н гвентгества . ѡгна . н меча н мѣусобныя брани . сирѣчь ракоя . н ѿ тѣлы н ѿ пагопа . н конмъ гнѣво моро умешн . н в водѣ учопанци н гдѣ ни еудѣ на пѣн . н на ле(Л. 102)су . н на пѣты мѣстѣ . повежена телеса усопши ли кто ѡвряце . н прише вобѣтн игумену . н старцо . н игуме н старцы прикаждѣ дстротчелю . егранному . повелн всян бга рѣн . тѣло умешаго . н полонти в коже до . н спросокому игумену на нн ѡптѣ . ѡвѣныѣ , млтвы погрѣбѣныѣ . положнн в той млтвы хрѣ . н въ кннгн писан . бга рѣн имена вѣдома . а бѣнмяны положнн по томѣ бга рѣн н д . су вселебскую . н в другю мясопѣ н в сѣлы чѣвѣто . (Л. 102 об.) по пацѣ на вся го понахнды пѣтн . и ѡвѣнн служнн по все¹¹ православы хртгянѣ . н і тамо о бон ѣ доме . лежащн . н ѡтѣя . говорнн по . спнгу н по бкласу¹² . кл написано тамо н дано игумену спросокому герасму н по не кто нны игуме еудѣ . ѿ трапезѣ і ѿ мѣстѣ . а на праннн ему . на все влчннн н на егрончнн на гдрѣскне . н мнтрополнн . н на блчнн . н на бошнн комы . н по воскресн днѣ . ѡвѣднн слунн . (Л. 103) н всякое црковное правило учося в мнтраѣ веперевоно . а са трапезу ксгн¹⁴ прихонти з ерѣн за певон . а не¹⁵ поспѣѣ за певун . н ѿ са посленню . с келарѣ сядѣ . а в мѣста саднца свщеницы . в . д . мь а са поленню ѿ келарѣ в трѣѣ . сѡ млтннѣ . а са слѣвѣ . колн в мнтраѣ служн . молекѣ . н лнчогнн . н ѿ свщеницы рѣно н дѣгн . емлѣ . к¹⁶ млтнм гдрѣску¹⁷ по томѣ . рѣно . н въ гдрѣско прихо еграно игуме по томѣ . аще служнн (Л. 103 об.) на монастырѣ . тогда н дѣгн емлѣ . а тамо служн . дене здѣ не емлѣ . рабѣ прикѣна .

Примечания. ¹⁵-я буква испр. из ц. ²испр. из спнровѣ. ³буква т написана по испр. тексту. ⁴3-я буква вписана позже. ⁵испр. из спнровѣ. ⁶буква л испр. из в. ⁷перед словом зач. при. ⁸в ркп. влочѣ. ⁹6-я буква испр. из н. ¹⁰1-я буква испр. из ч. ¹¹3-я буква испр. из в. ¹²1-я буква испр. из сна. ¹³посл. буква испр. ¹⁴посл. буква испр. из ь. ¹⁵посл. буква испр. из п. ¹⁶⁻¹⁷в ркп. фраза испр.

РГБ ОР. Ф. 113 (Библиотека Иосифо-Волоколамского монастыря). № 681. Л. 99 об. — 103 об. Скоропись. Список последней четверти XVII в.²¹³

²¹³ Филиграни: дельфин — тип Briquet, 5847 (1584 г.); кувшинчик — тип Briquet, 12717 (1553–1556 гг.); Гераклитов, 411 (1607 г.). Выражаю искреннюю благодарность Т. В. Анисимовой и О. Н. Радеевой за помощь в определении филиграней.

РЕЗЮМЕ

В статье на основе комплексного анализа памятников канонического права Древней Руси, государственно-правовых актов, церковно-учительных произведений, в том числе с объяснением особенностей богослужебной практики, летописей, памятников книжности, документов из монастырских архивов, а также подписных надгробий конца XV — начала XVIII вв. исследуется вопрос о регулировании захоронений на монастырских, городских, сельских и деревенских кладбищах Московской Руси. В связи с допустимостью погребения и церковного поминовения подробно анализируются случаи «благой», «нужной» и «напрасной» смерти, даётся их классификация и эволюция отношения к ним церковных иерархов, а также специфика отражения этих случаев в эпитафиях. В статье на основе анализа расширения информативных полей в эпитафиях XVI — начала XVIII в., а также окружных посланий иерархов Русской Православной Церкви делается вывод об отсутствии препятствий к погребению на кладбище и регулярном поминовении погибших насильственной («нужной») смертью. При этом надписи на поминальных крестах, установленных на месте гибели человека, символизировали его мученическую кончину. Проанализированные источники позволяют считать, что гибель на государственной службе с 60-х гг. XVI в. стала восприниматься как одна из базовых ценностей служилого сословия. Всё это позволяет считать, что суеверные представления о «заложных» покойниках на Руси не связаны с язычеством. Они возникли в христианскую эпоху и были постепенно преодолены в поминальной культуре на протяжении XVI–XVII вв., сохранившись на периферии народного сознания.

Ключевые слова: кладбища Московской Руси, смерть, погребальная обрядность, церковное поминовение, канонические нормы, поминальная культура, язычество, эпиграфика Московской Руси, агиография, христианские суеверия.

Источники

Акты, относящиеся до гражданской расправы Древней России / Собр. и изд. А. А. Федотов-Чеховский. Т. II. Киев: тип. И. и А. Давиденко, 1864. — X + 873 с.

Акты юридические, или собрание форм старинного делопроизводства. СПб.: в тип. II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1838. — VII с., с. А–В, 465, 62, 8 с.

Библия, сиречь книги Ветхаго и Новаго Завета по языку славенску. М.: Печатный двор, XII.1663. Зёрнова. 306.

Великие Минеи Четьи, собранные Всероссийским Митрополитом Макарием. Т. I. Январь. Тетрадь II. Дни 6–11. М.: Синодальная типография, 1914. Стб. 369–868.

Власов А.Н. Житийные повести и сказания о святых юродивых Прокопии и Иоанне Устюжских. СПб.: изд-во Олега Абышко, 2010. — 656 с.

Гваньини А. Описание Московии / Пер. с латинского, вводная статья и комментарии Г. Г. Козловой. М.: Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 1997. — 176 с. (*Museum Graeco-Latinum*).

Дергачёва И.В. Древнерусский Синодик. Исследования и тексты. М.: Кругъ, 2011. — 404 с., ил. (Памятники древнерусской мысли. Исследования и тексты. Вып. VI).

[Свт. Димитрий Ростовский]. Книга житий святых на три месяца первая, еже есть септемврий, октоврий и новемврий. Киево-Печерская лавра, 1764. — 4, 6, [1], 498, 6 л.

[Свт. Димитрий Ростовский]. Книга житий святых на три месяца вторья, еже есть декемврий, ианнуарий и февруарий. Киево-Печерская лавра, 1764. — [1], 4, 567, 4 л.

Житие Артемия Веркольского // БЛДР. Т. 16: XVII век. СПб.: Наука, 2010. С. 453–480.

Житие и страдание святого и праведного Иоанна Иоанна убиенного Углецкого. Рыбинск: изд-во «ОАО Рыбинский Дом печати», 2011. — 128 с., ил. (*Письменные памятники древего Углича. Вып. V*).

Забелин И.Е. Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы. Ч. 2. М.: Московская городская тип., 1891. — 1608 стб.

Инструкция Старостам Поповским, или Благочинным смотрителям от Святейшего Патриарха Адриана, данная лета 7207 (1699) Июля в 25 день // ДРВ. Ч. XV. М.: в тип. Компании Типографической, 1790. С. 373–405.

Ипатьевская летопись // ПСРЛ. Т. II. М.: Языки русской культуры, 1998. — 648 с. разд. паг.

Коллинз С. Нынешнее состояние России, изложенное в письме к другу, живущему в Лондоне / Пер. с англ. П. Киреевского. М.: в Университетской типографии, 1846. — VIII, 47 с.

Кормчая. М.: Печатный двор, 1.VII.1650. Зёрнова. № 222.

[Максим Грек] Инока Максима Грека послание на безумную прелесть и богомерскую мудрствующую, яко погребания для утопленого убитого бывают плодотворительны стужы земных прозябений // Сочинения преподобного Максима Грека. Ч. III. Казань: тип. Императорского ун-та, 1897. С. 138–145.

Новгородская I летопись младшего извода // ПСРЛ. Т. III. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 101–427.

Новгородская I летопись старшего извода // ПСРЛ. Т. III. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 13–100.

Новгородские писцовые книги. Т. VI: Книги Бежецкой Пятины. I. 1501 г. — II. 1551 г. — III. 1564 г. СПб.: Сенатская типография, 1910. — VI с. + 1074 стб.

Новгородские синодики XIV–XVII веков / Подг. текстов, исследование Т. И. Шабловой. СПб.: Алетейя, 2017. — 326 с.

Памятники древне-русского канонического права. Ч. 1 (Памятники XI–XV вв.) // РИБ. Т. VI. СПб.: тип. Императорской Академии наук, 1880. — IV с., XX, 930, 316, 70 стб.

Патерик Римский. Диалоги Василия Великого в славянском переводе / Изд. подг. К. Дидди. М.: Индрик, 2001. — XXXV, 505 с. (*Памятники древней письменности. Исследования и тексты*).

Пролог. Первая половина (сентябрь-февраль). М.: Печатный двор, 16.XII.1642. Зёрнова. № 163.

Переписные книги часовен в Важском уезде и в Устьянских сохах марта 20 — июня 29 1692 г. // РИБ. Т. 25: Акты Холмогорской и Устюжской епархий. Т. 2. СПб.: изд. Археографической комиссии, 1908. Стб. 347–762.

[Письмо Алексея Михайловича воеводе князю И.И. Лобанову-Ростовскому] // ЗОР-СА. 1862. Т. 2. С. 741–749.

Повесть о Луке Колоцком // БЛДР. Т. 9: Конец XV — первая половина XVI в. СПб.: Наука, 2000. С. 100–105.

Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1 Т. II: 1676–1688. СПб.: в Тип. II Отделения Е. И. В. Канцелярии, 1830 — 974 с.

Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е. Т. III. С 1689 по 1699 г. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1830 — 690 с.

Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е. Т. VII: 1723–1727. СПб.: в Тип. II Отделения Е. И. В. Канцелярии, 1830 — 922 с.

Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. Т. XIX: 1770–1774. СПб.: в Тип. II Отделения Е. И. В. Канцелярии, 1830 — 1081 с.

Порфирьев И. А. Апокрифические сказания о новозаветных лицах и событиях по рукописям Соловецкой библиотеки // Сборник ОРЯС. Т. LII. № 4. СПб.: тип. Императорской Академии наук, 1890. — 471 с.

Послания Ивана Грозного. Подг. текстов Д.С. Лихачёва и Я.С. Лурье. Пер. и коммент. Я.С. Лурье. Под ред. В.П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1950 (репр.: СПб., 2005). — 716 с. (*Литературные памятники*).

Поучение Владимира Мономаха // БЛДР. Т. 1: XI–XII века. СПб.: Наука, 1997. С. 456–475.

Рейтенфельс Я. Сказания светлейшему герцогу Тосканскому Козьме Третьему о Москвитии: Падуя, 1680 г.: Иждивением книгопродавца Петра Мария Трамботти: С разрешения старших / Пер. с лат. А. Станкевича. М.: тип. Общества распространения полезных книг, арендуемая В. И. Вороновым, 1905. — X, 228 с.

Русская вивлиофика, или Собрание материалов для отечественной истории, географии, статистики и древней русской литературы / Изд. Н. Полевой. Т. 1. М.: в тип. А. Семена при Императорской Медицинско-Хирургической Академии, 1833. — 414, XIII с.

Серёгина Н.С. Песнопения русским святым: По материалам рукописной певческой книги XI–XIX вв. «Стихирарь месячный». СПб.: изд-во Российского ин-та истории искусств, 1994. — 469 с.

Блаженный Симеон Солунский. Объяснение православных богослужений, обрядов и таинств. Оранта, 2010. — 512 с.

Скрижаль. М.: Печатный двор, 2.6.1656. Зёрнова. 266.

Синодик Иосифо-Волоколамского монастыря (1479–1510-е годы). Подг. текста и иссл. Т.И. Шаболовой. СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. — 223 с. (*Святые и святыни Русской земли*).

Слова и Поучения Серапиона Владимирского // БЛДР. Т. 5: XIII век. СПб.: Наука, 1997. С. 370–375.

Смирнов С.И. Житие преподобного Даниила, Переславского чудотворца, Повесть об обретении мощей и Чудеса его. М.: Синодальная тип., 1908. — XXXVIII, 133 с.

Софийский временник, или Русская летопись с 862 по 1534 год / Изд. П. Строев. Ч. 2: С 1425 по 1534 год. М.: в тип. М. Селивановского, 1821. — VII, 493 с.

Стоглав: Текст. Словоуказатель / Отв. ред. Дж. Манискальцо Базиле, А. В. Юрасов. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2018. — 320 с. (*Historia Russica*).

- Требник. М.: Печатный двор, 07.01.1647. Зёрнова. 197.
Требник. М.: Печатный двор, 10.12.1658. Зёрнова. 280.
Требник. М.: Печатный двор, 24.02.1662. Зёрнова. 295.
Требник. М.: Печатный двор, 12.1688. Зёрнова. 417.
Триодь постная. М.: Печатный двор, 11.10.1650. Зёрнова. 224.
Угличский летописец / Отв. ред. А.А. Севастьянова. Подг. текста Я.Е. Смирнова. Ярославль: Ярославская старина, 1996. — 183 с.
Уставная грамота патриарха Адриана, данная архимандриту Троицкого Сергиева монастыря Евфимию / Сообщ. А.Н. Попов // Временник ОИДР. 1851. Кн. 11. Смесь. С. 30–46.
Устюжский летописец // ПСРЛ. Т. 37. М.: Наука, 1982. С. 104–125.
Ps.-Athanasius. Ad Antiochum principem, de multis et necessariis quaestionibus in divina Scriptura controversis, quae nemo Christianus ignorare debet // PG. T. XXVIII. Col. 597a — 700c.
Gregorius I Magnus. Dialogorum libri IV De vita et miraculis patrum Italicorum et de aeternitate animarum // PL. T. 77. Col. 150–430a.
Theodor Balsamon. Canones synodi Carthaginenses // PG. T. 138. Col. 9–455b.

ЛИТЕРАТУРА

- Авдеев А.Г. К истории старорусской эпитафии: Надгробие князя Фёдора Ивановича Троекурова // XIII Тихомировские краеведческие чтения. К 150-летию со дня рождения Илариона Александровича Тихомирова: Материалы научной конференции, Ярославль, 21–22 октября 2011 г. Ярославль, 2012. С. 209–222.
- Авдеев А.Г. Чудо на могиле князя Даниила Московского: от агнографии к устному преданию // Живая старина. Журнал о русском фольклоре и традиционной культуре. 2014. № 1 (81). С. 6–9.
- Авдеев А.Г. К вопросу об обстоятельствах появления старорусских подписных надгробий // Преподобный Иосиф Волоцкий и его обитель. Материалы научно-практической конференции, посвящённой 500-летию открытия для поклонения святых мощей преподобного Иосифа Волоцкого и 10-летию кончины митрополита Волоколамского и Юрьевского Питирима. Вып. III. М.: Лето, 2015. С. 381–394.
- Авдеев А.Г. Надгробие как агнографический факт: чудеса у могилы преподобного Максима Грека // Мир Православия. Вып. 9 / Сост. Н.Д. Барабанов, О.А. Горбань. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2015. С. 244–255.
- Авдеев А.Г. Образ смерти в христианской культуре XIV–XV вв. и рождение поминальной практики в Московской Руси // Преподобный Иосиф Волоцкий и его обитель. Вып. IV. Материалы научно-практической конференции, посвящённой 500-летию преставления преподобного Иосифа Волоцкого. М.: Добрая мысль, 2017. С. 225–235.
- Авдеев А.Г. Валунные надгробия в «языческой» роще // Живая старина. 2018. № 3 (99). С. 16–18.
- Авдеев А.Г. Малоизвестные эпитафические источники о моровом поветрии 1654 г. в Московской Руси // *Palaeoslavica*. 2019. Т. XXVII. № 1. С. 108–128.
- Авдеев А.Г. Суеверия, поминальная культура и старорусская эпитафика // Вестник ПСТГУ. 2019. Сер. II: История. История Русской Православной Церкви. Вып. II (86). С. 61–80.
- Алексеев А.И. Под знаком конца времён. Очерки русской религиозности конца XIV — начала XVI в. СПб.: Алетейя, 2002. — 272 с.
- Алексеев А.И. Духовная культура Средневековой Руси. М.: Индрик, 2016. — 271 с.

Алексеев А.В., Кузьменко С.В. Московские средневековые каменные кресты с геометрическим узором. М.; Звенигород: ИА РАН, Министерство культуры Московской обл., Звенигородский историко-культурный и художественный музей, 2020. — 124 с., ил.

Алексеев Ю. Г. Судебник Ивана III. Традиция и реформа. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. — 447 с.

Амвросий (Орнатский), архим. История Российской иерархии. Ч. III. М.: в Синодальной тип., 1807. — 761, V с.

Анашкин А.В. Канонические «Ответы» патриарха Константинопольского Николая III Грамматика (1084–1111): содержание, источники, история текста // Вестник ПСТГУ III: Филология. Вып. 2 (32). М., 2013. С. 87–113.

Арнаутова Ю.Е. Погребение // Словарь средневековой культуры / Под общ. ред А.Я. Гуревича. М.: РОССПЭН, 2007. С. 364–369.

Архангельский А.С. Творения Отцов Церкви в древне-русской письменности. Извлечения из рукописей и опыты историко-литературных изучений. Т. I–II. Казань: тип. Императорского ун-та, 1889. — 203 с.

Афанасьева И.А. Поминование умерших всякого рода смертями (по материалам древнейших Синодиков-помянников) // Исторический журнал: научные исследования. 2018. № 5. С. 19–35 // URL.: http://npublish.com/library_read_article.php?id=27290. Заглавие с экрана. Дата захода: 20.09.2018.

Афанасьева И.А. Ранние свидетельства заупокойного поминания людей, скончавшихся неестественной смертью (на материале служебников) // Клио. Ежемесячный журнал для учёных. Печатный орган Международной академии исторических и социальных наук / Klio. A monthly scholarly journal. Print agency of the International Academy of history and social sciences. 2020. № 4. С. 20–24.

Башинин Н.В. Дионисиево-Глушицкий монастырь и его архив в XV–XVII вв. Исследование и тексты. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2016. — 1034 с., ил.

Белоброва О.А. Житие Даниила Переяславского // СККДР. Вып. 2: Вторая половина XIV — XVI век. Л.: Наука, 1988. С. 257–258.

Беляев Л.А. Иерусалимские мотивы в надгробиях средневековой Москвы // Иерусалим в русской культуре / Сост. и отв. ред. А. Л. Баталов и А. М. Лидов. М.: Центр восточнославянской культуры, 1994. С. 148–153.

Беляев Л.А. Русское средневековое надгробие. Белокаменные плиты Москвы и Северо-Восточной Руси XIII–XVII вв. М.: Модус Граффити, 1996. — 563 с., ил.

Беляев Л.А. Родовая усыпальница князей Пожарских и Хованских в Спасо-Евфимиевом монастыре Суздаля: 150 лет изучения. М.: ИА РАН, 2013. — 264 с., ил.

Беляев Л.А. Археолог на кладбище // Московское наследие. 2015. № 3 (39): Московский некрополь: от кургана до Мавзолея. С. 28–35.

Беляев Л.А. Поминать и помнить: традиция обновления надгробий в Москве XVI–XVII вв. // Живая старина. Журнал о русском фольклоре и традиционной культуре. 2018. № 3 (99). С. 2–6.

Белякова Е.В., Мошкова Л.В., Опарина Т.А. Кормчая книга: от рукописной традиции к первому печатному изданию. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. — 496 с., ил. (*Historia Rossica*).

Бенешевич В.Н. Древне-славянская кормчая XIV титулов без толкований. Т. 1. СПб.: тип. Императорской Академии Наук, 1906. — VI, 840 с.

Беркович В. А., Егоров К. А. Московское белокаменное надгробие. Каталог. М.: ООО «ТМ Продакшн», 2017. — 765 с., ил.

Борисенков Е. П., Пасецкий В.М. Тысячелетняя летопись необычайных явлений природы. М.: Мысль, 1988. — 522 с., ил.

Брюсова В.Г. Тверской епископ грек Нил и его Послание князю Георгию Ивановичу // ТОДРЛ. 1974. Т. XXVIII. С. 180–187.

Будюкин Д.А. Храмовительство и места погребения дворян Кожиных: трансформация коммеморативных практик в XVII–XIX вв. // Вестник ПСТГУ. Сер. II: История. История Русской Православной Церкви. 2015. Вып. 5 (66). С. 23–35.

Булычев А. А. Между святыми и демонами. Заметки о посмертной судьбе опальных царя Ивана Грозного. М.: Знак, 2005. — 304 с. (*Studia historica*).

Велецкая Н. Н. Языческая символика славянских архаических ритуалов. М.: Наука, 1978. — 237 с., ил.

Владимир, иером. Ярославский Спасо-Преображенский монастырь, что ныне архиепископский дом. Ярославль, 1913. — 192 с.

Герасимов А.А. Филигранные XVII века на бумаге рукописных и печатных документов русского происхождения. М.: изд-во АН СССР, 1963. — 257 с., ил.

Гириберг В.Б. Материалы для свода надписей на каменных плитах Москвы и Подмосковья XIV–XVII вв. Ч. I. Надписи XIV–XVI вв. // НЭ. 1960. Т. I. С. 3–66.

Гириберг В.Б. Материалы для свода надписей на каменных плитах Москвы и Подмосковья. Ч. II. Надписи первой половины XVII в. // НЭ. 1962. Т. III. С. 212–287.

Голубинский Е.Е. История Русской Церкви. Период второй. Московский. Т. II: От шествия Монголов до митрополита Макария включительно. 2-я половина тома. М.: Синодальная тип., 1910. — 616 с.

Гордон П. Дневник 1677–1678 / Пер. с англ., статья и прим. Д.Г. Федосова. М.: Наука, 2005. — 250 с. (*Памятники исторической мысли*).

Гращенков А.В. Памятные плиты Вознесенского собора в Москве // ВЭ. Вып. I. М., 2006. С. 186–201.

Грузнова Е.Б. Похоронные обычаи на Руси в конце XV–XVI в. // Вестник СПбГУ. 2005. Сер. 2. Вып. 3. С. 153–170.

Гуревич А.Я. Индивид и социум на средневековом Западе. СПб.: Alexandria, 2009. — 492 с. (*Становление Европы*).

Давыдова С.А. Патериковые чтения в составе древнерусского Пролога // ТОДРЛ. 1990. Т. XLII. С. 263–281.

Давыдова С.А., Черторицкая Т.В. К истории синаксаря // ТОДРЛ. 1993. Т. XLVII. С. 151–163.

Дергачёва И.В. Посмертная судьба и «иной мир» в древнерусской книжности. М.: Кружок, 2004. — 352 с., ил. (*Памятники древнерусской книжности IX–XVII вв.: исследования и публикации*).

Дмитриев Л.А. Житийные повести Русского Севера как памятники литературы XIII–XVII вв. Эволюция жанра легендарно-биографических сказаний. Л.: Наука, 1973. — 303 с.

Добронравов В.Г. Историко-статистическое описание церквей и приходов Владимирской епархии. Вып. 2: Переславский и Александровский уезды. Владимир: типо-лит. В. Паркова, 1895. — 520, VI с.

Ерусалимский К.Ю. Между канонизированными и демонизированными: казни Ивана Грозного в культурно-символической интерпретации // Одиссей: Человек в истории. 2009: Путешествие как историко-культурный феномен / Гл. ред. А.О. Чубарьян; сост. С.И. Лучицкая. М.: Наука, 2010. С. 361–390.

Желтов М., свящ. Последование заупокойной панихиды в древнерусских Служебниках XIV в. // *Studia Mediaevalia Slavica et Byzantina*. Sofia: изд. центр «Боян Пенев», 2011. С. 221–231.

Живов В.М. Святость. Краткий словарь агиографических терминов. М.: Гнозис, 1994. — 112 с.

Живов В.М. Из церковной истории времён Петра Великого: исследования и материалы. М.: Новое литературное обозрение, 2004. — 360 с., ил. (*Научная библиотека*).

Зеленин Д.К. Избранные труды. Очерки русской мифологии: умершие неестественною смертью и русалки / Вступ. статья Н. И. Толстого, подг. текста, коммент., указат. Е. Е. Левкиевской. М.: Наука, 1995. (*Традиционная духовная культура славян. Из истории изучения*).

Зёрнова А.С. Книги кирилловской печати, изданные в Москве в XVI–XVII веках. Сводный каталог. М.: тип. ВГБИЛ, 1958. — 152 с.

Золотов Ю.М. Каменный крест XVII в. со станции Жилево // СА. 1960, № 3. С. 333–335.

Казакова Н.А., Лурье Я.С. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV — начала XVI в. М.; Л.: Наука, 1955. — 544 с.

Калайдович К. Письма к Алексею Федоровичу Малиновскому об археологических исследованиях в Рязанской губернии с рисунками найденных там в 1822 году древностей. М.: в Университетской тип., 1823. — 75 с., ил.

Карпов А.В. Религиозная жизнь Древней Руси в IX – XI веках. Язычество, христианство, двоеверие. СПб.: Алетей, 2019. — 182 с. (*Богословская и церковно-историческая библиотека*).

Клейн В. К. Надписи на гробницах в церкви Николая на Столпах. М.: печ. А.И. Снегиревой, 1905. — 10 с., 1 л. план.

Князева С.Ю. Синодик окольничего Ивана Андреевича Милославского XVII века из Киржачского Благовещенского монастыря // Средневековая письменность и книжность XVI–XVII вв. Источниковедение / Сборник материалов международной научно-практической конференции, 7–8 декабря 2015 г., г. Александров. Т. 1. Владимир: ООО «Транзит-Икс», 2016. С. 204–224.

Козюренко А.В. Скудельницы в Пскове в XV–XVI вв. // Церковная археология. Материалы Первой Всероссийской конференции. Псков, 20–24 ноября 1995 года. Ч. 2: Христианство и древнерусская культура / Отв. ред. С.В. Белецкий. СПб.; Псков, 1995. С. 117–120.

Кунцевич Г.З. Феодосий, архиепископ Новгородский (1491–1563) (Его «Житие»). СПб.: типо-лит. Р. Голик, 1898. — 15 с.

Курбатов О. А. Военные реформы в России второй половины XVII века. Конница. М.: Квадрига, 2017. — 304 с., ил. (*Исторические исследования*).

Лаврентьев А.В., Майер И. Четвертование как публичная церемония и пенальная практика в правление царя Алексея Михайловича: письменные и изобразительные источники // Очерки феодальной России. Вып. 20 / Ред. С.Н. Кистерёв. М.; СПб., 2017. С. 216–271.

Левин И. Двоеверие и народная религия в России / Пер. с англ. А.Л. Топоркова и З. Н. Исидоровой. М.: Индрик, 2004. — 216 с.

Лебедев А.Е., свящ. Историко-статистический очерк Псковоградской Варлаамовской церкви. М.: тип. Псковского губернского правления, 1895. — 100 с.

Левина Т.В. Белокаменное надгробие XV — начала XVIII века. Собрание музея-заповедника «Коломенское» // РСН–1. М.: Наука, 2006. С. 82–123.

Левецкая Н.В., Сукина Н.Б. Крест XVII в. из Никитского монастыря на Плещеевом озере // Археологические памятники Волго-Клязьминского междуречья. Вып. 4. Иваново, 1990. С. 43–44.

Левкиевская Е.Е. Покойник «заложный» // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Н. И. Толстой, ред.. Т. 4: П (Переправа через реку) — С (Сито). М.: Международные отношения, 2009. С. 118–124.

Лозинов К.К. Традиционный жизненный цикл русских Водлозерья: обряды, обычаи и конфликты. М.; Петрозаводск: Университет Дмитрия Пожарского, 2010. — 424 с., илл.

Лукин П.В. Народные представления о государственной власти в России XVII века. М.: Наука, 2000. — 294 с.

Макаров Н.А. Кресты-тельники из раскопок средневековых селищ: к проблеме христианизации русской деревни // Изв. 2004. Вып. 7 (125). С. 254–274.

Мартынов А.А. Каменная летопись Москвы // Русский архив. 1895. Кн. 2. С. 97–109, 219–240, 383–395, 521–528.

Материалы к «Русскому провинциальному некрополю» великого князя Николая Михайловича (по документам РГИА). Вып. 1: Екатеринбургская, Оренбургская и Пермская епархии / Публ. Д.Н. Шилова. СПб.: изд-во ВИРД, 2003. — 96 с. (*Русский некрополь. Вып. 14*).

Мильков В.В. Справочник древнерусских апокрифических текстов, представляющих концепции земного рая // Язык и текст langpsy.ru. 2018. № 5. С. 49–67.

Миллер Г.-Ф. История Сибири. Т. III / Изд. подг. С.И. Вайнштейн, Е.П. Батянова. М.: Восточная литература, 2005. — 600 с.

Мусин А.Е. Христианизация Новгородской земли в IX–XIV вв. Погребальный обряд и христианские древности // Труды ИИМК РАН. Т. V. СПб.: ИИМК РАН, 2002. — 272 с., ил.

Мусин А.Е. Milites Christi Древней Руси. Военная культура русского Средневековья в контексте религиозного менталитета. СПб.: Петербургское востоковедение, 2005. — 368 с., ил. (*Militaria Antiqua, VIII*).

Надписи с Русских древних памятников до конца XVII в. // Владимирский сборник. Материалы для статистики, этнографии, истории и археологии Владимирской губернии / Сост. и изд. Н. Тихомиров. М.: Университетская тип., 1857. С. 43–58.

Николаева Т. В. К изучению некрополя Троице-Сергиевой лавры // СЗГИХМЗ. 1960. Вып. 3. С. 181–190.

Николаева С.В. Поминания воинов, жертв военных действий и репрессий как отражение социальной функции монастырей (на примере синодиков Троице-Сергиева монастыря) // Софійські читання. Матеріали VI Міжнародної науково-практичної конференції «Християнські святині — скрижалі Вічності, Мудрості й Краси: нові грані пізнання» (м. Київ, 26–27 травня 2011 р.). Київ: ВД «АДЕФ-Україна», 2013. С. 117–127.

Нора П. Между памятью и историей (проблематика мест памяти) // Франция—память / Пер. с франц. Д. Хапаевой. СПб.: изд-во СПбГУ, 1999. С. 17–49.

[Павел (Подлипский), еп.] Описание Костромского Ипатьевского монастыря, в коем юный Михаил Феодорович Романов умолен знаменитым посольством Московским на Царство Русское. М.: в Синодальной тип., 1832. — 127 с.

Павлов А.С. Кому принадлежат канонические ответы, автором которых считался Иоанн, епископ Китрский (XIII в.) // Византийский временник. Т. I. Вып. 3–4. СПб.; Leipzig: К.Л. Риккерт / K. Rikkert, 1894. С. 493–502.

Панова Т.Д. Кремлёвские усыпальницы. История, судьба, тайна. М.: Индрик, 2003. — 224 с., ил.

Панченко А.А. Иван и Яков — необычные святые из болотистой местности. «Крестьянская агиология» и религиозные практики в России. М.: Новое литературное обо-

зрение, 2012. — 448 с., ил. (*Новое литературное обозрение. Научное приложение. Вып. СХІІІ*).

Панченко В.Б., Фёдоров И.А. Каменные кресты из д. Войнословово: новые исследования // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 31: Материалы XXXI научной конференции, посвящённой 85-летию археологического изучения Новгорода. Великий Новгород, 25–27 января 2017 г. / Е.В. Носов, отв. ред. Великий Новгород: Любавич, 2017. С. 80–88.

Паперно И. Самоубийство как культурный институт. М.: Новое литературное обозрение, 1999. — 256 с. (*Новое литературное обозрение. Научное приложение. Вып. XV*).

Патерик Римский. Диалоги Василия Великого в славянском переводе / Изд. подг. К. Дидди. М.: Индрик, 2001. — XXXV, 505 с. (*Памятники древней письменности. Исследования и тексты*).

Певцов В.Г. Лекции по церковному праву. СПб.: типо-лит. СПб. одиночной тюрьмы, 1914. — 249 с.

Пентковский А.М. Студийско-Алексеевский устав и богослужбные традиции Древней Руси (По рукописям, происходящим из церковных собраний) // Рукописные собрания церковного происхождения в библиотеках и музеях России. Сборник докладов конференции. М.: Синодальная библиотека Московского Патриархата, 1999. С. 112–120.

Петров Д.А. Архитектурный комментарий к одному месту из послания архиепископа Геннадия митрополиту Зосиме // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2015. № 2 (60). С. 84–93.

Платонов Е.В. Перепись севернорусских часовен 1692 г. как этнографический источник // Новгородский исторический сборник. Великий Новгород, 2013. Вып. 13 (23). С. 297–319.

Плешанова И. И. Керамические надгробные плиты Псково-Печерского монастыря // НЭ. 1966. Вып. VI. С. 149–206.

Рансимен С. Восточная схизма. Византийская теократия / Пер. с англ. М.: Наука, 1998. — 238 с.

Русский провинциальный некрополь. Картотека Н.П. Чулкова из собрания Государственного Литературного музея. // Река времён. Кн. IV. М.: «Эллис Лак», «Река времён», 1996. — 417 с.

Русский феодальный архив XIV — первой трети XVI века / Сост. А.И. Плигузов. М.: Языки славянски культуры, 2008. — 552 с. (*Studia historica*).

Рыжова Е.А. Севернорусская агиография в контексте традиционной народной культуры («почему убитые громом — святые») // Локальные традиции в народной культуре Русского Севера. Материалы IV Международной конференции «Рябининские чтения-2003». Сборник научных докладов / Отв. ред. Т.Г. Иванова. Петрозаводск, 2003. С. 368–372.

Рыжова Е.А. Сказание о явлении и чудесах праведного Кирилла Вельского: история текста памятника и почитание святого // Русская агиография. Исследования. Материалы. Публикации. Вып. III / Отв. ред. Т.Р. Руди, С. А. Семячко. СПб., 2017. С. 345–405.

С. А. Древний каменный крест (близ г. Шуи) // Владимирские губернские ведомости. 1846. № 34. Часть неоф. С. 156.

Святославский А.В., Трошин А.А. Крест в русской культуре. Очерк русской монументальной ставрографии. М.: Древлехранилище, 2000. — 173 с., ил.

Седакова О.А. Поэтика обряда. Погребальная обрядность восточных и южных славян. М.: Индрик, 2004. (*Традиционная духовная культура славян. Современные исследования*).

Сизов С. Ещё раз о трёх «неизвестных» гробницах Архангельского собора // ГММК. Материалы и исследования. Вып. 1. М.: Искусство, 1973. С. 86–94.

Синицына Н.В. Творчество преподобного Максима Грека 30–50-х гг. XVI в. и собрание избранных сочинений из 47 глав // Преподобный Максим Грек. Сочинения. Т. 2. / Отв. ред. Н.В. Синицына. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2014. С. 12–45.

Скворцов Г.А. Патриарх Адриан. Его жизнь и труды в связи с состоянием Русской Церкви в последнее десятилетие XVII века. Казань: Центральная тип., 1913. — VI, 369, IV с.

Снегирёв И.М. О скудельницах, или убогих домах в России // Труды и записки МОИДР. Ч. III. Кн. I. М.: в Университетской тип., 1826. С. 235–261.

Сорокин А.Н. Скудельницы древнего Новгорода (к вопросу об особенностях древнерусского погребального обряда в чрезвычайных ситуациях) // Исторические исследования. Журнал Исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. 2015. № 3. URL: http://www.historystudies.msu.ru/ojs2/index.php/ISIS/article/view/49/132#_ftn106. Дата обращения: 02.03.2019. Заглавие с экрана.

Станюкович А.К., Звягин В. Н., Черносовитов П. Ю., Ёлкина И. И., Авдеев А. Г. Усыпальница дома Романовых в Московском Новоспасском монастыре. Кострома, 2005. — 397 с.

Терёшкина Д.Б. «Егда душа от тѣла разлучается, ужасна тайна всѣм и страшна» (Смерть в Синодике Новоезерского монастыря) // Древняя Русь: во времени, в личности, в идеях / Παλαιὸς ῥωσιστὴς ἐν χρόνῳ, ἐν πρόσωπῳ, ἐν εἰδέι. Альманах. Вып. 1 / Под ред. П. И. Гайденко. СПб.; Казань, 2014. С. 143–153.

Толстая С.М. Учёная проза поэта // Седакова О. А. Поэтика обряда. Погребальная обрядность восточных и южных славян. М.: Индрик, 2004. С. 8–13.

Феодосий (Коротков), архим. Первоначальный общежительный устав русских монастырей. М.: Торговый дом «Абрис», 2017. — 688 с., ил.

Франклин С. Рост графосферы в публичном пространстве (ок. 1450 — 1850-е гг.) // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. 2016. Т. 9. С. 238–253.

Чернов С.З. Кладбище деревни Власьевской XIV–XV вв. и воцерковление сельского населения Московского края // РА. 2016. № 1. С. 70–84.

Шалина И.М. Локализация погребений русских чудотворцев в монастырских храмах и её символическое значение // Преподобный Иосиф Волоцкий и его обитель. Материалы научно-практической конференции, посвященной 5-летию обретения Святых мощей Преподобного Иосифа, 520-летию освящения первого монастырского каменного храма — Успенского собора — и 80-летию со дня рождения Митрополита Волоколамского и Юрьевского Питирима. М.: Северный паломник, 2008. С. 126–154.

Шахматов М., Кострищев Н. Обзор истории кодификации духовных правил и узаконений православной греко-российской церкви с конца XVIII столетия по настоящее время. Пг.: Сенатская тип., 1917. — II, 81 с.

[Шереметевский В.Н.]. Русский провинциальный некрополь. Т. 1: Губернии Архангельская, Владимирская, Вологодская, Костромская, Московская, Новгородская, Олонецкая, Псковская, Санкт-Петербургская, Тверская, Ярославская и Выборгской губернии монастыри Валаамский и Коневский. М.: изд-во Т-ва И. И. Кушнерев и К^о, 1914. — 1008 с. (репр.: СПб., 2006).

Шляпкин И.А. Древние русские кресты. 1. Кресты новгородские, до XV в., неподвижные и нецерковной службы. СПб.: тип. И. Н. Скороходова, 1906. — 38 с., 24 табл.

Шокарев С.Ю. Некрополь XVI–XVII веков в избранных надписях. Плиты из коллекции Музея истории г. Москвы // РСН–1. М.: Наука, 2006. С. 124–129.

Шокарев С.Ю. Палатки на кладбищах XVI–XVII вв. Об одном малоизвестном виде намогильных сооружений // Воротынского чтения. Средневековая Россия: военные и духовный опыт предков / Материалы Всероссийской научно-практической конференции (Вологда — Кириллов, 5–7 сентября 2019 г.). Вып. 1. Вологда: ВОУНБ, 2020. С. 133–137.

Штырков С.А. Предания об иноземном нашествии: крестьянский нарратив и мифология ландшафта (на материалах Северо-Восточной Новгородчины). СПб.: Наука, 2012. — 228 с. (*Kunstkamera Petropolitana*).

Шенков А. С., Вятчина Т. Н. Об иконографии и тектонике православного храма (Опыт содержательной интерпретации архитектурных форм). М., 1996. — 84 с.

Юрганов А.Л. Категории русской средневековой культуры. М.: МИРОС, 1998. — 468 с.

Яганов А.В. По поводу происхождения памятного креста по стряпчему С. М. Пустошкину // ВЭ. Вып. V. М., 2011. С. 362–369.

Янин В.Л. Некрополь Новгородского Софийского собора. Церковная традиция и историческая критика. М.: Наука, 1988. — 239 с.

Івакін В. Г. Християнські поховальні пам'ятки давньоруського Києва. Київ: КИТ, 2008. — 272 с., іл.

Briquet C.M. Les Filigranes. Dictionnaire historique des Marques du Papier dès leur Apparition vers 1292 jusqu'en 1600. T. I–IV. P.; L.; Leipzig; Amsterdam; Rome; Genève, 1907. Corpus Inscriptionum Rossicorum / Свод русских надписей // URL: <http://cir.rssda.su>.

Cultures of Death and Dying in Medieval and Early Modern Europe / M. Korpriola, A. Lahtinen // Collegium. Studies Across Disciplines in the Humanities and Social Sciences. Vol. 18. Helsinki: Helsinki Colligium for Advanced Stadium, 2015. — 197 p., ill.

Danforth L. M. The Death Rituals of rural Greece. Prinseton: Prinseton University Press, 1982. — 234 p.

Foucault M. Different Spaces // Foucault M. Aesthetics, Method and Epistemology / Essential Works of Foucault. 1954–1984 / Ed. by J. D. Faubion / Transl. by R. Hurley and oth. Vol. 2. N.-Y.: The New Press, 1998. P. 175–185.

Franklin S. Information in Plan Sight: the Formation of the Public Graphospere // Information and the Empire. Mechanisms of Communications in the Russia, 1600–1750 / S. Franklin, K. Bowers (eds.). Cambr.: Open Book Publishers, 2017. P. 341–367.

Kötting B. Der frühchristlichen Kult und die Bestattung im Kirchgebäude. Köln; Opladen: Springer Massmedien Wiesbaden GMBH, 1965. — 92 S.

Serematakis N. The Last Word: Women, Death and Divination Mani. Chicago: University of Chicago Press, 1991. — 298 p.

SUMMARY

A.G. Avdeev

Regulation of burials in the necropolises of Moscow Russia: rules, norms, customs, superstitions

The paper is based on the comprehensive analysis of works of Moscow Russia Canon law, state legal acts, Church teaching works, including an explanation of

the features of liturgical practice, chronicles, hagiographic works, documents from monastic archives, as well as signed tombstones of the late 15th — the beginning of the 18th century. In the paper the problem of the burials regulation in monastic, urban, rural and village cemeteries of Moscow Russia is investigated. The cases of “good”, “necessary” and “vain” death are analyzed in detail in connection with the permissibility of burial and church commemoration, their classification and evolution of the Church hierarchs’ attitude to them, as well as the specifics of reflecting these cases in epitaphs, are given. The paper contains the conclusion about the lack of obstacles to the burial in a cemetery and a regular commemoration of the dead from violence, which is drawn on the basis of the analysis of the informative fields expansion in 16th — the beginnings of the 18th century epitaphs, and also of district messages of the Russian Orthodox Church hierarches. Thus inscriptions on the funeral crosses established on a person’s death place symbolized his martyr death. The analysed sources allow to consider that the death on monarchic service from the 60th of the 16th century began to be perceived as one of basic values of service class. All this allows to consider that superstitious ideas about “undead” in Russia aren’t connected with paganism. They arose during the Christian era and were gradually overcome in funeral culture during the 16th — 17th centuries, having remained on the periphery of national consciousness.

Keywords: cemeteries of Moscow Russia, death, funeral ceremonialism, church commemoration, canonical norms, paganism, epigraphy of Moscow Russia, hagiography, Christian superstitions.

REFERENCES

Afnas’eva I.A. Pominovanie umershikh vsyakogo roda smertyami (po materialam drevneishikh Sinodikov-pomyannikov). *Istoricheskiy zhurnal: nauchnye issledovaniya*, 2018, no. 5, pp. 19–35. Available at: URL.: [http:// npublish.com/library_read_article.php?id=27290](http://npublish.com/library_read_article.php?id=27290) (accessed 20.09.2018).

Afnas’eva I.A. Rannie svidetel’sтва zaupokoinogo pominaniya lyudey, skonchav-shikhsya neestestvennoi smert’yu (na materiale sluzhebnikov). *Klio. A monthly scholarly journal. Print agency of the International Academy of history and social scienses*, 2020, no. 4, pp. 20–24.

Alekseev A.I. *Dukhovnaya kul’tura Srednevekovoj Rusi*. Moscow, Indrik, 2016, 271 p.

Alekseev A.I. *Pod znakom kontsa vremen. Ocherki russkoy religioznosti kontsa XIV — nachala XVI v.* St. Peterburg, Aleteiya, 2002, 272 p.

Alekseev A.V., Kuz’menko S.V. *Moskovskie srednevekovye kamennye kresty s geometricheskim uzorom*. Moscow; Zvenigorod, IA RAN, Ministerstvo kul’tury Moskovskoy obl., Zvenigorodskiy istoriko-kul’turnyy i khudozhestvennyy muzey, 2020, 124 p.

Alekseev Yu.G. *Sudebnik Ivana III. Traditsiya i reforma*. St. Petersburg, Dmitriy Bulanin, 2001, 447 p.

Anashkin A.V. Kanonicheskie “Otvety” patriarkha Konstantinopol’skogo Nikolaya III Grammatika (1084–1111): sodержanie, istochniki, istoriya teksta. *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta III: Filologiya*. Issue 2 (32), Moscow, 2013, pp. 87–113.

Arnautova Yu.E. Pogrebenie. *Slovar' srednevekovoi kul'tury*. Moscow, ROSSPEN, 2007, pp. 364–369.

Avdeev A.G. Chudo na mogile knyazya Daniila Moskovskogo: ot agiografii k ustnomu predaniyu. *Zhivaya starina. Zhurnal o russkom fol'klore i traditsionnoy kul'ture*, 2014, no. 1 (81), pp. 6–9.

Avdeev A.G. K istorii starorussoy epitafii: Nadgrobie knyazya Fedora Ivanovicha Troekurova. XIII *Tikhomirovskie kraevedcheskie chteniya. K 150-letiyu so dnya rozhdeniya Ilariona Aleksandrovicha Tikhomirova: Materialy nauchnoy konferentsii, Yaroslavl', 21–22 oktyabrya 2011*. Yaroslavl', 2012, pp. 209–222.

Avdeev A.G. K voprosu ob obstoyatel'stvakh poyavleniya staroruskikh podpisnykh nadgrobiy. *Prepodobnyy Iosif Volotskiy i ego obitel'. Materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy 500-letiyu otkrytiya dlya pokloneniya svyatykh moshchey prepodobnogo Iosifa Volotskogo i 10-letiyu konchiny mitropolita Volokolamskogo i Yur'evskogo Pitirima*. Issue III. Moscow, Leto, 2015, pp. 381–394.

Avdeev A.G. Maloizvestnye epigraficheskie istochniki o morovom povetrii 1654 g. v Moskovskoi Rusi. *Palaeoslavica*, 2019, vol. XXVII, no. 1, pp. 108–128.

Avdeev A.G. Nadgrobie kak agiograficheskiy fakt: chudesa u mogily prepodobnogo Maksima Greka. *Mir Pravoslaviya*. Issue 9. Volgograd, Izd-vo VolGU, 2015, pp. 244–255.

Avdeev A.G. Obraz smerti v khristianskoy kul'ture XIV–XV vv. i rozhdenie pominal'noi praktiki v Moskovskoy Rusi. *Prepodobnyy Iosif Volotskiy i ego obitel'. Issue IV*. Materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy 500-letiyu prestavleniya prepodobnogo Iosifa Volotskogo. Moscow, Dobraya mysl', 2017, pp. 225–235.

Avdeev A.G. Sueveriya, pominal'naya kul'tura i staroruskaya epigrafika. *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta*, 2019, issue II (86), pp. 61–80.

Avdeev A.G. Valunnye nadgrobiya v «yazycheskoy» roshche. *Zhivaya starina. Zhurnal o russkom fol'klore i traditsionnoy kul'ture*, 2018, no. 3 (99), pp. 16–18.

Bashnin N.V. *Dionisievo-Glushitskii monastyr' i ego arkhiv v XV–XVII. Issledovanie i teksty*. Moscow, St. Peterburg, Al'yans-Arkheo, 2016, 1034 p.

Belobrova O.A. Zhitie Daniila Pereyaslavskogo. *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevney Rusi*. Issue 2. Leningrad, Nauka, 1988, pp. 257–258.

Belyaev L.A. Arkheolog na kladbishche. *Moskovskoe nasledie*, 2015, no. 3 (39): Moskovskii nekropol': ot kurgana do Mavzoleya, pp. 28–35.

Belyaev L.A. Ierusalimskie motivy v nadgrobiyakh srednevekovoi Moskvy. *Ierusalim v russkoi kul'ture*. Moscow, Tsentr vostochnoslavyanskoy kul'tury, 1994, pp. 148–153.

Belyaev L.A. Pominat' i pomnit': traditsiya obnoveniya nadgrobij v Moskve XVI–XVII. *Zhivaya starina. Zhurnal o russkom fol'klore i traditsionnoy kul'ture*, 2018, no. 3 (99), pp. 2–6.

Belyaev L.A. Rodovaya usypal'nitsa knyazey Pozharskikh i Khovanskikh v Spaso-Evfimievom monastyre Suzdalya: 150 let izucheniya. Moscow, IA RAN, 2013, 264 p.

Belyaev L.A. *Russkoe srednevekovoe nadgrobie. Belokamennye plity Moskvy i Severo-Vostochnoy Rusi XIII–XVII*. Moscow, Modus Graffiti, 1996, 563 p.

Belyakova E.V., Moshkova L.V., Oparina T.A. *Kormchaya kniga: ot rukopisnoy traditsii k pervomu pechatnomu izdaniyu*. Moscow, St. Petersburg, Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2017, 496 p.

Berkovich V.A., Egorov K.A. *Moskovskoe belokamennoe nadgrobie*. Katalog. Moscow, OOO “TM Prodaksh”, 2017, 765 p.

Borisenkov E.P., Pasetskij V.M. *Tysyacheletnyaya letopis' neobychnykh yavlenii prirody*. Moscow, Mysl', 1988, 522 p.

Bryusova V.G. Tverskoi episkop grek Nil i ego Poslanie knyazyu Georgiyu Ivanovichu. *Trudy otdela drevnerusskoy literatury*, 1974, vol. XXVIII, pp. 180–187.

Budyukin D.A. Khramozdatel'stvo i mesta pogrebeniya dvoryan Kozhinykh: transformatsiya kommemorativnykh praktik v XVII–XIX. *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta*, Ser. II, 2015, issue 5 (66), pp. 23–35.

Bulychev A.A. *Mezhdru svyatyimi i demonami. Zametki o posmertnoi sud'be opal'nykh tsarya Ivana Groznogo*. Moscow, Znak, 2005, 304 p.

Chernov S.Z. Kladbishche derevni Vlas'evskoi XIV–XV vv. i votserkovlenie sel'skogo naseleniya Moskovskogo kraja. RA, 2016, no. 1, pp. 70–84.

Davydova S.A. Paterikovye chteniya v sostave drevnerusskogo Prologa. *Trudy otdela drevnerusskoy literatury*, 1990, vol. XLII, pp. 263–281.

Davydova S.A., Chertorit'skaya T.V. K istorii sinaksarya. *Trudy otdela drevnerusskoy literatury*, 1993, vol. XLVII, pp. 151–163.

Dergacheva I.V. *Posmertnaya sud'ba i "inoy mir" v drevnerusskoy knizhnosti*. Moscow, Krug, 2004, 352 p.

Dmitriev L.A. *Zhitiinye povesti Russkogo Severa kak pamyatniki literatury XIII–XVII. Evolutsiya zhanra legendarno-biograficheskikh skazaniy*. Leningrad, Nauka, 1973, 303p.

Erusalimskiy K.Yu. Mezhdru kanonizirovannymi i demonizirovannymi: kazni Iva-na Groznogo v kul'turno-simvolicheskoy interpretatsii. *Odyssey: Chelovek v istorii. 2009: Puteshestvie kak istoriko-kul'turnyi fenomen*. Moscow, Nauka, 2010, pp. 361–390.

Feodosii (Korotkov), arhim. *Pervonachal'nyi obshchezhitel'nyi ustav russkikh monastyrey*. Moscow, Torgovyi dom "Abriss", 2017, 688 p.

Franklin S. Rost grafosfery v publichnom prostranstve (ok. 1450 — 1850-e). *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova*, 2016, vol. 9, pp. 238–253.

Geraklitov A.A. *Filigrani XVII veka na bumage rukopisnykh i pechatnykh dokumentov russkogo proiskhozhdeniya*. Moscow, izd-vo AN SSSR, 1963, 257 p.

Girshberg V.B. Materialy dlya svoda nadpisey na kamennykh plitakh Moskvy i Podmoskov'ya XIV–XVII. Part I. Nadpisi XIV–XVI. *Numizmatika i epigrafika*, 1960, vol. I, pp. 3–66.

Girshberg V.B. Materialy dlya svoda nadpisey na kamennykh plitakh Moskvy i Podmoskov'ya. Ch. II. Nadpisi pervoy poloviny XVII. *Numizmatika i epigrafika*, 1962, vol. III, pp. 212–287.

Grashchenkov A.V. Pamyatnye plity Voznesenskogo sobora v Moskve. *Voprosy epigrafiki, issue I*, Moscow, 2006, pp. 186–201.

Gruznova E.B. Pokhoronnye obychai na Rusi v kontse XV–XVI. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2005, ser. 2, issue 3, pp. 153–170.

Gurevich A.Ya. *Individ i sotsium na srednevekovom Zapade*. St. Petersburg, Alexandria, 2009, 492 p.

Ivakin V.G. *Khristiyan'ski pokhoyal'ni pam'yatki davn'orus'kogo Kieva*. Kiev, KIT, 2008, 272 p.

Karpov A.V. *Religioznaya zhizn' Drevney Rusi v IX–XI vekakh. Yazychestvo, khristianstvo, dvoeverie*. St. Petersburg, Aleteiya, 2019, 182 p.

Kazakova N.A., Lur'e Ya.S. *Antifeodal'nye ereticheskie dvizheniya na Rusi XIV — nachala XVI*. Moscow, Leningrad, Nauka, 1955, 544 p.

Knyazeva S.Yu. Sinodik okol'nichego Ivana Andreevicha Miloslavskogo XVII veka iz Kirzhachskogo Blagoveshchenskogo monastyrya. Srednevekovaya pis'mennost' i knizhnost' XVI–XVII vv. Istochnikovedenie. *Sbornik materialov mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, 7–8 dekabrya 2015 g. Aleksandrov*. Vol. 1, Vladimir, OOO "Tranzit-Iks", 2016, pp. 204–224.

Kozyurenok A.V. Skudel'nitsy v Pskove v XV–XVI. *Tserkovnaya arkhеologiya. Materialy Pervoi Vserossiiskoi konferentsii. Pskov, 20–24 noyabrya 1995 goda. Part 2: Khristianstvo i drevnerusskaya kul'tura*. St. Petersburg, Pskov, 1995, pp. 117–120.

Kurbatov O.A. *Voennye reformy v Rossii vtoroy poloviny XVII veka. Konnitsa*. Moscow, Kvadriga, 2017, 304 p.

Lavrent'ev A.V., Maier I. Chetvertovanie kak publichnaya tseremoniya i penal'naya praktika v pravlenie tsarya Alekseya Mikhailovicha: pis'mennye i izobrazitel'nye istochniki. *Ocherki feodal'noi Rossii*. Issue 20. Moscow, St. Petersburg, 2017, pp. 216–271.

Levin I. *Dvoeverie i narodnaya religiya v Rossii*. Moscow, Indrik, 2004, 216 p.

Levina T.V. Belokamennoe nadgrobie XV — nachala XVIII veka. *Sobranie muzeyazapovednika "Kolomenskoe"*. *Russkoe srednevekovoe nadgrobie. Materialy k svodu*. Issue 1 / ed. L.A. Beljaev. Moscow, Nauka, 2006, pp. 82–123.

Levitskaya N.V., Sukina N.B. Krest XVII v. iz Nikitskogo monastyrya na Pleshchevom ozere. *Arkheologicheskie pamyatniki Volgo-Klyaz'minskogo mezhdurech'ya*. Issue 4, Ivanovo, 1990, pp. 43–44.

Levkievskaya E.E. Pokoinik "zalozhnyi". *Slavyanskіe drevnosti. Etnolingvisticheskiy slovar'*. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya, 2009, pp. 118–124.

Loginov K.K. *Traditsionniy zhiznennyi tsikl russkikh Vodlozer'ya: obryady, obychai i konflikty*. Moscow, Petrozavodsk, Universitet Dmitriya Pozharskogo, 2010, 424 p.

Lukin P.V. *Narodnye predstavleniya o gosudarstvennoi vlasti v Rossii XVII veka*. Moscow, Nauka, 2000, 294 p.

Makarov N.A. Kresty-tel'niki iz raspokok srednevekovykh selishch: k probleme khristianizatsii russkoi derevni. *Istiricheskie zapiski*, 2004, issue 7 (125), pp. 254–274.

Mil'kov V.V. Spravochnik drevnerusskikh apokrificheskikh tekstov, predstavlyayushchikh kontseptsii zemnogo raya. *Yazyk i tekst langpsy ru*, 2018, no. 5, pp. 49–67.

Miller G.-F. *Istoriya Sibiri*. Vol. III, ed. S.I. Vainshtein, E.P. Bat'yanova. Moscow, Vostochnaya literatura, 2005, 600 p.

Musin A.E. Khristianizatsiya Novgorodskoi zemli v IX–XIV vv. Pogrebal'nyi obryad i khristianskie drevnosti. *Trudy Instituta Istorii Material'noy kul'tury Rossiyskoy Akademii Nauk*, vol. V, St. Petersburg, IIMK RAN, 2002, 272 p.

Musin A.E. *Milites Christi Drevnei Rusi. Voinskaya kul'tura russkogo Srednevekov'ya v kontekste religioznogo mentaliteta*. St. Petersburg, Peterburgskoe vostokovedenie, 2005, 368 p.

Nikolaeva S.V. Pominaniya voinov, zhertv voennykh deistvii i repressii kak otrazhenie sotsial'noi funktsii monastyrei (na primere sinodikov Troitse-Sergieva monastyrya). *Sofits'ki chitannya. Materiali VI Mizhnarodnoi naukovopraktichnoi konferentsii "Khristiyan'ski svyatyni — skrizhali Vichnosti, Mudrosti i Krasi: novi grani piznannya" (m. Kiiv, 26–27 travnya 2011 r.)*. Kiev, VD "ADEF-Ukraina", 2013, pp. 117–127.

Nikolaeva T.V. K izucheniyu nekropolya Troitse-Sergievoi lavry. *Soobshsheniya Zagorskogo gosudarstvennogo istoriko-khudozhestvennogo muzeja-zapovednika*, 1960, issue 3, pp. 181–190.

Nora P. Mezhdru pamyat'yu i istoriey (problematika mest pamyati). *Frantsiya-pamyat'*. St. Petersburg, izd-vo SPbGU, 1999, pp. 17–49.

Panchenko A.A. *Ivan i Yakov — neobychnye svyatye iz bolotistoy mestnosti. «Krest'yanskaya agiologiya» i religioznye praktiki v Rossii*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2012, 448 p.

Panchenko V.B., Fedorov I.A. Kamennye kresty iz d. Voinosolovo: novye issledovaniya. Novgorod i Novgorodskaya zemlya. Istoriya i arkheologiya. Issue 31: *Materialy XXXI nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 85-letiyu arkheologicheskogo izucheniya Novgoroda*. Velikii Novgorod, 25–27 yanvarya 2017. Velikii Novgorod, Lyubavich, 2017, pp. 80–88.

Panova T.D. *Kremlevskie usypal'nitsy. Istoriya, sud'ba, taina*. Moscow, Indrik, 2003, 224 p.

Paperno I. Samoubijstvo kak kul'turnyi institut. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 1999, 256 p.

Pentkovskiy A.M. Studijsko-Alekseevskiy ustav i bogoslužebnye traditsii Drevney Rusi (Po rukopisyam, proiskhodyashchim iz tserkovnykh sobranii). *Rukopisnye sobraniya tserkovnogo proiskhozhdeniya v bibliotekakh i muzeyakh Rossii. Sbornik dokladov konferentsii*. Moscow, Sinodal'naya biblioteka Moskovskogo Patriarkhata, 1999, pp. 112–120.

Platonov E.V. Perepis' severnorusskikh chasoven 1692 g. kak etnograficheskii istochnik. *Novgorodskii istoricheskii sbornik*. Velikii Novgorod, 2013, pp. 13 (23), pp. 297–319.

Pleshanova I.I. Keramicheskie nadgrobnye plity Pskovo-Pecherskogo monastyrya. *Numizmatika i epigrafika*, 1966, issue VI, pp. 149–206.

Ryzhova E.A. Severnorusskaya agiografiya v kontekste traditsionnoy narodnoi kul'tury ("pochemu ubitye gromom — svyatye"). Lokal'nye traditsii v narodnoi kul'ture Russkogo Severa. *Materialy IV Mezhdunarodnoy konferentsii "Ryabininskie chteniya-2003"*. *Sbornik nauchnykh dokladov*, ed. T.G. Ivanova, Petrozavodsk, 2003, pp. 368–372.

Ryzhova E.A. Skazanie o yavlenii i chudesakh pravednogo Kirilla Vel'skogo: istoriya teksta pamyatnika i pochitanie svyatogo. *Russkaya agiografiya. Issledovaniya. Materialy. Publikatsii*. Issue III, ed. T.R. Rudi, S.A. Semyachko. St. Petersburg, 2017, pp. 345–405.

Sedakova O.A. Poetika obryada. Pogrebal'naya obryadnost' vostochnykh i yuzhnykh slavyan. Moscow, Indrik, 2004.

Shalina I.M. Lokalizatsiya pogrebenii russkikh chudotvortsev v monastyrskikh khramakhi ee simvolicheskoe znachenie. *Prepodobnyi Iosif Volotskiy i ego obitel'. Materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy 5-letiyu obreteniya Svyatyykh moshchei Prepodobnogo Iosifa, 520-letiyu osv'yashcheniya pervogo monastyrskogo kamennogo khrama — Uspenskogo sobora — i 80-letiyu so dnya rozhdeniya Mitropolita Volokolamskogo i Yur'evskogo Pitirima*. Moscow, Severnyi palomnik, 2008, pp. 126–154.

Shchenkov A.S., Vyatchanina T.N. *Ob ikonografii i tektonike pravoslavnogo khrama (Opyt sodержatel'noi interpretatsii arkhitekturnykh form)*. Moscow, 1996, 84 p.

Shokarev S.Yu. Nekropol' XVI–XVII vekov v izbrannykh nadpisyakh. Plity iz kollektzii Muzeya istorii g. Moskvy. *Russkoe srednevekovoe nadgrobie. Materialy k svodu*. Issue 1 / ed. L.A. Beljaev, Moscow, Nauka, 2006, pp. 124–129.

Shokarev S.Yu. Palatki na kladbishchakh XVI–XVII vv. Ob odnom maloizvestnom vide namogil'nykh sooruzhenii. *Vorotynskie chteniya. Srednevekovaya Rossiya: voennyi i dukhovnyi opyt predkov / Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Vologda — Kirillov, 5–7 sentyabrya 2019 g.)*. Issue 1. Vologda, VOUNB, 2020, pp. 133–137.

Shtyrkov S.A. *Predaniya ob inozemnom nashestvii: krest'yanskiy narrativ i mifologiya landshafta (na materialakh Severo-Vostochnoi Novgorodchiny)*. St. Petersburg, Nauka, 2012, 228 p.

Sinitsyna N.V. Tvorchestvo prepodobnogo Maksima Greka 30–50-kh gg. XVI v. i sozhanie izbrannykh sochinenii iz 47 glav. *Prepodobnyy Maksim Grek. Sochineniya*. Vol. 2, ed. N.V. Sinitsyna. Moscow, Rukopisnye pamyatniki Drevnei Rusi, 2014, pp. 12–45.

Sizov S. Eshche raz o trekh “neizvestnykh” grobnitsakh Arkhangel’skogo sobora. *Gosudarstvennye muzei Moskovskogo Kremlja. Materialy i issledovaniya*. Issue 1. Moscow, Iskustvo, 1973, pp. 86–94.

Sorokin A.N. Skudel’nitsy drevnego Novgoroda (k voprosu ob osobennostyakh drevnerusskogo pogrebal’nogo obryada v chrezvychainykh situatsiyakh). *Istoricheskie issledovaniya. Zhurnal Istoricheskogo fakul’teta Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta im. M.V. Lomonosova*, 2015, no. 3. Available at http://www.historystudies.msu.ru/ojs2/index.php/ISIS/article/view/49/132#_ftn106 (accessed 02.03.2019).

Stanyukovich A.K., Zvyagin V.N., Chernosvitov P.Yu., Elkina I.I., Avdeev A.G. *Usypal’nitsa doma Romanovykh v Moskovskom Novospasskom monastyre*. Kostroma, 2005, 397 p.

Svyatoslavskiy A.V., Troshin A.A. *Krest v russkoy kul’ture. Ocherk russkoy monumental’noy stavrografii*. Moscow, Drevlekhranilishche, 2000, 173 p.

Tereshkina D.B. “Egda dusha ot tela razluchaetsya, uzhasna taina vs’em i strashna” (Smert’ v Sinodike Novoezerskogo monastyrya). *Drevnyaya Rus’: vo vremeni, v lichnosti, v ideyakh*. Issue 1, ed. P.I. Gaidenko, St. Petersburg, Kazan’, 2014, pp. 143–153.

Tolstaya S.M. Uchenaya proza poeta. In: Sedakova O.A. *Poetika obryada. Pogrebal’naya obryadnost’ vostochnykh i yuzhnykh slavyan*. Moscow, Indrik, 2004, pp. 8–13.

Veletskaya N.N. *Yazycheskaya simbolika slavyanskikh arkhaiskikh ritualov*. Moscow, Nauka, 1978, 237 p.

Yaganov A.V. Po povodu proiskhozhdeniya pamyatnogo kresta po stryapchemu S. M. Pustoshkinu. *Voprosy Epigrafiki*, issue V, Moscow, 2011, pp. 362–369.

Yanin V.L. *Nekropol’ Novgorodskogo Sofiiskogo sobora. Tserkovnaya traditsiya i istoricheskaya kritika*. Moscow, Nauka, 1988, 239 p.

Yurganov A.L. *Kategorii russkoi srednevekovoi kul’tury*. Moscow, MIROS, 1998, 468 p.

Zelenin D. K. *Izbrannye trudy. Ocherki russkoi mifologii: umershie neestestvennoyu smertiyu i rusalki*. Moscow, Nauka, 1995.

Zernova A.S. *Knigi kirillovskoy pechati, izdannye v Moskve v XVI–XVII vekakh. Svodnyy katalog*. Moscow, tip. VGBIL, 1958, 152 p.

Zheltoy M., svyashch. Posledovanie zaupokoinoi panikhidy v drevnerusskikh Sluzhebnykh XIV veka. *Studia Mediaevalia Slavica et Byzantina*. Sofia, izd. tsentr “Boyan Penev”, 2011, pp. 221–231.

Zhivov V.M. *Iz tserkovnoy istorii vremen Petra Velikogo: issledovaniya i materialy*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2004, 360 p.

Zhivov V.M. *Svyatost’. Kratkiy slovar’ agiograficheskikh terminov*. Moscow, Gnozis, 1994, 112 p.

Zolotov Yu.M. Kamennyi krest XVII v. so stantsii Zhilevo. *Sovetskaya Arkheologiya*, 1960, no. 3, pp. 333–335.

